

ПРИЯТНО ТЕБЯ ОБЩАТЬ

ИРИНА
КИКИНА

18+

Ирина Кикина

Приятно тебя общаться

«Автор»

2018

Кикина И. Е.

Приятно тебя общаться / И. Е. Кикина — «Автор», 2018

Возьмите в равных пропорциях роботов, инопланетян, привидений и просто людей. Добавьте полкило юмора, 200 граммов сатиры, щепотку антиутопии, горстку романтики и ложечку детского ощущения чуда. По вкусу приправьте озорством. Украсьте забавными словечками и подайте полученный сборник горячим. Вы точно захотите добавки!

© Кикина И. Е., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Аннотация	5
III. Чужло беду сердце материнское	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Аннотация

Возьмите в равных пропорциях роботов, инопланетян, привидений и просто людей. Добавьте полкило юмора, 200 граммов сатиры, щепотку антиутопии, горстку романтики и ложечку детского ощущения чуда. По вкусу приправьте озорством. Украсьте забавными словечками и подайте полученный сборник горячим. Вы точно захотите добавки!

Любимым детям. Без вас эта книга была бы неполной. Любимому мужу Денису. Спасибо за зильберпуков!

Обнимашки

I. Основы каддлинга

«Активировать объект?» – спросили старенькие, но вполне функциональные очки «ВиАр Гоогглес». Мой взгляд зацепился за деталь стрит-арта на мусорнике. Это был как будто логотип школы борьбы без правил: два стилизованных человечка, жёстко сцепившихся в порыве убийственной ярости. Я рассеянно кивнул, всё так же погружённый в думаные-передуманные мысли на грани психоза. Хотелось кого-нибудь задушить голыми руками, но свой лимит на этот месяц я уже израсходовал.

«Ищите облегчения? Каддлинг: конфиденциально, эффективно, по карману», – подсказали очки, отсканировав логотип. Человечки загорелись ярко-жёлтым, от них вниз по мусорнику сбегала пунктирная линия и поманила куда-то за поворот. Каддлинг... я пожал плечами и пустился в путь.

Пунктир привёл к неприметному зданию этажей в тридцать. На проходной ни о чём не спросили. В лифте борцы были нарисованы напротив минус третьего этажа. Я вдавил кнопку. Двери захлопнулись, заскрежетал механизм, лифт опустился так, будто в прошлой жизни был одним из первых и наименее удачных летательных аппаратов.

Приёмная была консервативна, обстановочка нарочито расслабляющая: повсюду кресла-груши, пуфы, лежанки, на потолке ободряющие афоризмы. Стены расписаны мягкими переплетающимися волнами пастельных тонов. За стойкой – девушка с неброским хамелеон-макияжем и в персиковом халате. Она предложила мне чай и печенье, поинтересовалась целью визита.

– Увидел ваш логотип, решил зайти, – коротко ответил я.

– Вы раньше участвовали в каддлинге? – спросила девушка. Брови её утончились и приобрели болотный оттенок. Ресницы удлинились на полсантиметра и красиво изогнулись.

– Нет, я в первый раз. Если честно, даже не знаю, что это такое. Ничего незаконного?

– Вот, возьмите брошюру, – чарующе улыбнулась секретарша. Губы её стали блестяще-вишнёвыми, что не шло к коротким песочным волосам. – Вам придётся какое-то время подождать: все подготовительные комнаты заняты.

Я прилёг, запихнул в рот печенье и принялся читать о том, во что собирался впутаться. Ну и плевать, если это незаконно. Всё легальное я уже перепробовал. Попытки и самоистязание, психотропные средства и йога, бокс и аутотренинг. Ничто не помогало избавиться от томления, раздражения, дискомфорта и отчаяния, которые сегодня чуть не толкнули меня с балкона девятнадцатого этажа. Каддлинг – так каддлинг.

«Помните, что подсознание не воспринимает частицу “НЕ”.

Вы можете думать, что каддлинг – это НЕнормально.

Вы можете думать, что каддлинг – это НЕестественно.

Вы можете думать, что каддлинг – это НЕлегально.

На самом деле, это лишь мнения, навязанные извне. То, что является общественной нормой сегодня, завтра может упраздниться. Всего двести лет назад эмоционально и ситу-

ационно обоснованное убийство жестоко каралось и осуждалось. То, что для нас – невинное развлечение, не так давно вызывало у большинства отвращение и ужас. Равнодушие к другим, ультраиндивидуализм, естественный отбор, ныне возведённые в статус закона, прежде считались аморальными и неприемлемыми в человеческом обществе. Идеалом ушедшей эпохи были любовь, помощь ближнему и милосердие к слабым».

Тьфу, дрянь какая! Милосердие. Я пролистнул дальше, перешёл к «Истокам калдлинга».

«Это искусство издревле практиковалось во всех известных культурах. Люди жили семьями и имели возможность совершать соответствующие действия неограниченно».

Далее описывался состав древних «семей» и функции «членов семей». Потом шли основные позы калдлинга. Так вот что за борцы изображены на логотипе!

«Вам предстоит пройти три ступени. Первая – подготовительная. Внимательно посмотрите вводный видеоролик. Постарайтесь полностью расслабиться и настроиться на приём положительной энергии ближнего. Вторая ступень – тренировочная. Вам будет предложен ряд манекенов, на которых вы сможете опробовать позы. Здесь важно отработать движения. Третья ступень – собственно калдлинг. Мы любим называть её “раскрытие”. Вам будет представлен ряд случайным образом подобранных партнёров, с которыми вы попробуете себя в искусстве калдлинга. Ваша задача – вообразить себя частичкой древней семьи, а этих незнакомцев – своими родственниками. Отбросьте смущение и предубеждения. Раскройтесь навстречу новому человеку, дайте его энергии пронзить вас, слейте своё естество с естеством партнёра».

Я так и не понял, секта это или тайное логово редких извращенцев. Уже собирался уйти, но секретарша (теперь с морковной монобровью и сиреневыми губами) пригласила меня в подготовительную.

– Только туда нельзя в виртуальных очках. Оставьте их здесь, это будет ваш залог.

Я поколебался. Без «гоглей» я чувствую себя голым и беспомощным. Да и как можно доверить кому-либо такую интимную вещь? Но девушка уже подставляла одноразовый паке-тик. Она положила бесценные очки в ячейку № 9 позади стойки, наклеила мне на грудь номерок. Только сейчас я заметил, что почти все ячейки были заполнены, и притом в некоторых лежали вещицы куда дороже моего залога. Если эта девиация так популярна, может, я не зря сюда пришёл?

С лёгким волнением толкнул указанную секретаршей дверь. Внутри подготовительной царил мрак. Светился только экран на торцевой стене. Я устроился в кресле-груше и приготовился к обучающему видео о позах и дыхательных упражнениях, к двадцать пятому кадру, к гипнотическим спиралям и кислотному глюкобреду, к заунывным мантрам и кружащимся дервишам, – к чему угодно, только не к этому. Под жизнерадостную музыку началась демонстрация большеглазых котят, щенят, поросят, маргышат и прочей звериной мелюзги, иногда в костюмах, всегда со «смищными» подписями. Меня уже чуть не рвало от умиления, но тут зажёгся неяркий свет, и обволакивающий женский голос пригласил в тренировочную.

Там было весело и празднично. Улыбающиеся манекены с жутковатыми лицами (как у большинства манекенов) стояли в произвольном порядке. На стенах висели плакаты с позами. Всё казалось предельно просто. Чувствуя себя полным идиотом, я по очереди обошёл все манекены, выполнил требуемые действия и уже через минуту в растерянности стоял посреди комнаты, не зная, куда себя девать. Голос спросил, не нужно ли ещё немного потренироваться. Я отказался, и меня направили в комнату раскрытия. Что-то внутри сжалось в неприятный комок, но я переборол малодушие и шагнул на следующую ступень.

Комната была в духе «Утроба глазами плода»: тёплая, уютная до крайности, пропитанная ощущением безопасности и всепоглощающего принятия. Дверь в стене напротив открылась, и вместе со мной в утробе оказался дебелый блондин с бледными ресницами.

Я резко осознал, что не хочу заниматься калдлингом с мужиком. Начал было мямлить что-то жалкое, но блондин неуверенно произнёс:

– Брат?..

Ах да, мы же должны вообразить себя «частичками древней семьи». Вдох. Выдох. «Брат» приблизился, распахнул свои медвежьи руки, и мне не осталось ничего иного, как отзеркалить его движение в простейшей позе калдлинга № 1 «Приязнь».

Брат прижал меня к себе. Слегка похлопал по спине. Пробубнил положенную для «Приязни» фразу «Как же мне тебя не хватало!». Пробубнил плоско, без выражения, но вдруг случилось нечто немыслимое! Комок внутри меня разжался, рассосался, исчез. По хребту пробежала дрожь. Я еле выговорил ответное «Плохо было без тебя», еле заставил одеревеневшие руки похлопать по спине этого незнакомого, но до боли родного человека. Он всхлипнул. Отпустил меня. И ушёл.

Я стоял посреди комнаты раскрытия пустой и ошеломлённый. Колени подгибались. Я чувствовал окрыляющее обретение и невосполнимую утрату. Разум бил тревогу и орал, что сектанты меня завербовали, вытянут все деньги, заставят отдать им жильё и обе почки. А сердце бешено колотилось о ребра и ждало нового родственника.

Дверь напротив отворилась, и в комнату вошла иссушённая старушка с мелко дрожащей головой и фиолетовыми кудельками.

– Бабушка!

Голос надломился, ноги сами понесли меня вперёд, руки крепко обхватили эту хрупкую птицу, закутанную в цветастый платок. Из глаз моих брызнули невольные, неподдельные слёзы. Я позабыл все позы и наставления, не помнил себя, не слушал разум, я знал только, что вот она, моя чудом обрётённая бабушка, ради которой я готов на всё.

Старушка гладила мою буйную голову и тоже лепетала что-то избыточное. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы отпустить её. Коснулся губами сухой руки и навеки преданным псом посмотрел в водянистые глаза. Бабушка улыбнулась и потрепала меня по щеке. Ушла. Ушла.

Я стоял на коленях. Откуда всё это? Откуда явилось это внутреннее знание искусства калдлинга, откуда эти всепоглощающие эмоции, откуда слёзы, трепет и... любовь? Вот оно, запретное слово. Во что же я вляпался...

Вскочил на ноги, вытер слёзы, одёрнул костюм. Бежать, бежать отсюда, пока не поздно! Я так и знал, что это незаконно! Они продают преступные чувства! Но каковы мрази, прикинулись невинной сектой!

Пальцы уже потянулись к ручке двери, но за спиной неотвратимо, как контрольная пуля, которую я всадил тому патлатому бродяге между глаз, прозвучало:

– Здравствуй! Я так тебя ждала!

Я понял, что не смогу уйти. Она налетела со спины, обняла, стала беззаботно раскачиваться из стороны в сторону в позе № 4 «Игривость». «Они тебя охмурили», – отчаянно пискнул разум, но я уже не слышал. Повернулся, взял её лицо в ладони согласно позе № 5 «Страсть». Позы приходили сами собой, помимо меня. Я смотрел в бездонные глаза любимой.

– Булка, ты, что ли? – неожиданно спросила девушка, и я сморгнул пелену.

Это была староста Татьяна, мы вместе заканчивали юридический. Ненавидела меня всю дорогу.

– Я! Как ты тут оказалась?

Тут же ощутил неловкость, неправильность, незаконность этого калдлинга, но отпустить однокурсницу просто не было сил.

– Да вот... – она смущённо показала свежие шрамы на запястьях. – Чуть не того...

Я притянул Танюшу ближе, она положила голову мне на грудь. № 7 «Единение».

– И я чуть не того... Где же ты была?..

Горло перехватывало. Я вспоминал Татьяну, все мелкие жесты и привычки, прямоу и честность, ум и талант, юмор и напористость, ранимость и умение постоять за себя... В смятении анализировал, уговаривал себя отступить, но... но...

Не помню, как оказался в следующей комнате. Наваждение потихоньку схлынуло, я вновь узнавал себя: рационального, безукоризненно-эгоистичного и амбициозного. Но что-то уже хрупнуло внутри. Осторожно, как свежую дырку в зубе, я изучал себя. Что они сделали со мной? Я ведь чуть не поверил, что... люблю?

Только сейчас заметил внушительного седеющего атлета за рабочим столом.

– Как вам первый каттинг? – поинтересовался он приятным басом.

– Чем вы меня накачали?! Газ пустили?

– Спокойнее, пожалуйста. Никакой газ мы не пускали. Это всё химия вашего организма. Человеку необходим телесный контакт, несмотря ни на какие общественные нормы индивидуализма и законы в духе «Падающего подтолкни».

Лицо его внушало абсолютное доверие, но я заставил себя бороться:

– Вы хотите, чтобы я вступил в вашу секту?

– Будем рады, если вы присоединитесь. Но ни в коем случае не настаиваем. Вы вправе уйти в любой момент. Однако 87 % посетителей возвращаются, и не раз.

Где-то здесь явно подвох.

– И вы не боитесь, что я донесу?

– На этот случай у нас есть видеозапись вашего визита.

Вот оно! Наконец до меня дошло!

– Так вы шантажировать меня собираетесь?!

Я чуть не захлебнулся от возмущения и осознания собственной тупости. Добровольно вяпался! И во что!

Мужчина поднял руки, останавливая поток оскорблений и угроз.

– Это лишь мера предосторожности на ближайшие несколько месяцев. Через полгода у нас всё будет готово, чтобы полностью легализоваться.

Я молчал. Собеседник дружелюбным жестом предложил сесть, но я его проигнорировал. Тогда он встал, подошёл ближе.

– Вы обратились сюда, потому что вам тяжело жить в этом мире. А значит, вы внутренне не согласны с его законами. Вопрос только в том, будете ли вы лишь мечтать о переменах или начнёте действовать.

Он положил мощную руку мне на плечо.

– Приходите в среду. Принесу вам интересную подборку литературы нашего движения. А в 21:30 у нас будет групповой каттинг.

Неожиданно мужчина обхватил меня, притиснул к себе. «Отец», – проскочило в больном мозгу полуощущение-полуосознание. И я понял, что сдаюсь.

II. Внутренний мир зильберпуков

В общем, надо благодарить судьбу и всех богов земных и внеземных за то, что мы остались живы. И за то, что подобрали нас именно зильберпуки.

Наша тесная компашка сложилась за годы учёбы в Звёздном университете. Специальности разные, но взгляд на жизнь один, похожие устремления и просто расположенность друг к другу. Когда выпустились, тоже то и дело выходили на связь с разных концов Млечного Пути. Стажировались на кораблях, познавали науку «изнутри». Потом, по окончании обязательного года отработки, встретились, обсудили перспективы. По отсекам поскребли, договорились со знакомым космическим волком в отставке. Он разрешил нам постепенно выкупить его потрёпанный корабль.

Нестер облазил выдавший виды челночок от носа до дюз, сделал из свежеекстгумированного покойника вполне бодрого зомби. Адриано пошустрил, нашёл с десяток заказчиков, и мы

были в деле. Вчерашние студенты, самонадеянно бороздящие Галактику в поисках шального заработка.

Пара доставок увенчалась успехом, хотя и не без шероховатостей по пути. Мы уже расправили крылья, раскатали губы, но тут началась чёрная полоса. То задержка (не по нашей вине, но тем не менее, по договору лишаящая нас прибыли), то отмена, то поломка. Нестер шипел и плевался, как маневровый на последнем издыхании. Твердил, что не может дольше ставить заплату на заплату и костыль подпирать костылём. Что очень скоро эта посуда развалится, если мы не насобираем приличную сумму на дюжину позиций оборудования для срочной замены. «Ещё полсотни компонентов потерпят месяц-два», – обнадеживал бортовой механик.

Не знаю, что отказало первым: разбираться было некогда, а Нестера в тот момент нельзя было спросить. Самого удара не помню, очнулся в залитой красным светом рубке. Автоматика включилась, как и положено. Не обращая внимания на требовательные писки индикаторов, попытался связаться с Нестером и Адриано. Они не отвечали. Пустил в межзвёздное пространство сигнал бедствия, определил, где находятся товарищи, обесточил и изолировал наиболее повреждённые части челнока и спешно поплыл в невесомости за механиком: тот был ближе. Как я этих двоих вызволял и транспортировал – отдельная эпическая поэма, но в итоге я запечатал обоих в реанимационные капсулы. Благо, на борту их две. Главное теперь было самому дотянуть до прибытия помощи.

Уже через две стандартные недели нас подобрала зильберпуки. Никогда раньше я не встречался с ними лицом к лицу. Наши спасители – самые добрые и бескорыстные из известных разумных существ Млечного Пути. Они любезно пригласили меня на борт, ребята поместили в свои собственные универсальные восстановительные аквариумы (куда совершеннее наших разработок), даже челнок взяли на буксир. Никакой платы не потребовали. Мне обещали максимально комфортные условия. Позже я выяснил, что, приняв мой SOS, они стартовали с одной из своих планет исключительно ради нас, потому что в этом пустынном секторе в ближайший месяц корабли не прогнозировались.

В общем, как я уже говорил, зильберпуки – чудесные ребята. Есть, однако, и пара минусов.

К их внешности, я, естественно, был готов. Выглядят эти инопланетники так, будто слона вскрыли, вывернули наизнанку и художественно переплели внутренности, посыпав для красоты зеленоватыми блёстками и утыкав зазубренными и крючковатыми орудиями пыток. Возможно, это сугубо человеческий взгляд на реальность, но с виду зильберпуки откровенно жуткие. А когда эта масса движется или говорит, – и вовсе поседеть можно. Но это полбеды. Никакие письменные свидетельства и трёхмерные видеозаписи контактов не могут передать их удушающе-мерзостный, на грани обморока и рвоты, смрад. Вот и я не буду пытаться.

Тем не менее, я кое-как выдержал личную встречу с двумя молодыми общительными инопланетянами. Дышал ртом, смотрел чуть в сторону. Не думаю, что они заметили. После официальных приветствий меня проводили в просторную по человеческим меркам каюту, вручили «пульт управления»: пришелец, напоминающий намотанного на вал техника, оторвал от себя кусок сочащейся плоти и предложил дуть в одни отверстия и зажимать другие, чтобы подстроить среду в каюте под себя. Я постарался не выдать отвращения, принимая от него эту своеобразную окарину.

– Совет и помощь требуются ли, наш долгожданный и желанный гость? Настройки избыточны и сложны, но разъяснить могу я без труда, – пропел текучим оперным сопрано тот зильберпук, который больше походил на оплавленного пластикового динозаврика из коллекции маленького хулигана.

– Благодарю радушных зильберпуков, с задачей этой справлюсь я и сам.

Я старался подражать их пению, но слух у меня далеко не идеальный.

Спасители согласно пошевелили иглами и наконец удалились. Я первым делом стал искать контроль атмосферы в каюте. Стараясь не думать, что прикасается к моим губам, извлёк из пульта несколько дребезжащих нот. Нашёл солёный дождь, потом парилку, аппарат (или организм) для выдачи пищи, рециркуляцию воздуха и ещё несколько занятных опций. Похоже, всё опасное для представителей моего вида, заботливые зильберпуки заблокировали, так что я не поджарился, не задохнулся и не залил себя кислотой. Наконец, я разобрался с системой жизнеобеспечения. Методом тыка подстроил свет, температуру, влажность, вентиляцию. Запасся едой, помылся, расслабился и прилёг уже в мягкую ложбинку посреди каюты. Не тут-то было.

– Вполне комфортно ли, землянин, вам у нас? – «Динозаврик» вошёл ко мне без стука.

– Спасибо, благодарен я за кров, за пищу и возможность отдохнуть.

Со скрипом я заставил мозги и голосовые связки работать. Я обязан этим ребятам, надо проявить банальную вежливость.

– Мы рады слышать, долгожданный друг, – протянул инопланетянин. Иглы его мелко вибрировали, придавая удивительному пению ещё большую глубину. – Мы изучили данные о людях, мы тщательно готовимся к гостям. Мы понимаем, как, должно быть, трудно вам в одиночестве, без спутников своих.

– Вы тонко чувствуете душу человека... – Ну вот, криво как выходит. И к тому же, мелодию не получается выдерживать. Ну нет у меня музыкальных способностей, что я сделаю? – Действительно, скучаю по друзьям. Но знаю, ваши капсулы помогут, и снова будем вместе мы опять.

Да, я по жизни не поэт и не певец... Что делать, протокол общения с зильберпуками надо соблюдать. Надеюсь, Адриано скоро очнётся, вот у кого данные что надо!

Зильберпук на мгновение погасил блёстки. Потом они замерцали опять. Интересно, что значит этот жест?

– О психологии землян мы знаем много, – завёл свою шарманку Динозаврик. – Вы коллективные создания. Увы, без общества других вам невозможно. Вы чахнете, дряхлеете. Ну что ж. Свои услуги предоставить мы готовы. Я буду вам и другом, и семьёй, пока не станет лучше тем беднягам.

Только я хотел попросить его оставить меня на несколько часов, пока я посплю! Как не обидеть эту гигантскую подушку для иголок?

– Поверьте, друг мой, честно, я отдельно дней тридцать без проблем могу пробыть. Забота ваша мне весьма приятна, но не хочу ничем обременять.

Зильберпук ответил, что не надо самопожертвования, вы ни в коем случае нас не стесните, для нас это удовольствие... и так далее. Я отбивался, юлил, уговаривал, убеждал. Сорвал голос и исчерпал свои способности к белому стиху. В итоге сошлись, что в период сна мне точно не требуется общество, а в часы бодрствования уж половину времени как-нибудь обойдусь без помощи. Фух. Всё?

– Тогда не смею больше отвлекать вас, любезный гость, вам сон необходим. Однако перед сном, мой друг, не спорьте, я должен вас приятельски обнять.

Инопланетянин распахнул огромную щель в своём нутре, и я, видимо, должен был туда войти. За что, за что, великий, вечный космос, ты поступаешь дико так со мной?!

– Поверьте, мой дражайший, мой спаситель, что в этом нет необходимости, – проблеял я. Но зильберпук был настойчив.

– Прекрасно знаете, мой милый: без объятий, хоть четырёх за день, не может человек. Я предлагаю то, что в моих силах. Задача ваша, гордость подавив, принять сей дар симпатии и дружбы, и тем спасти себя от губительной тоски. Идите ж, я ведь чётко ощущаю: на грани вы, взорвётесь через миг!

Это я тоже ощущал весьма чётко. Без успеха попытался отвертеться, но зильберпук не желал ничего слышать.

– Скорее, друг, мои мембраны сохнут, и увлажнить их срочно должен я.

Делать нечего. Задержав дыхание, я шагнул в мягкое, чуть тёплое, вонючее нутро. Слизистые стенки прижались ко мне на мгновение, отпустили почти тут же, и я поспешил покинуть чрево инопланетянина. Тот сомкнулся, позвенел иглами, попрощался и убрался прочь.

Не думаю, что во вселенной есть ещё человек, который может похвастаться, что побывал внутри зильберпука. Или поплакаться.

Этот ритуал повторялся каждый корабельный день. Я изворачивался, применял все свои дипломатические способности, придумывал новые и новые отговорки, но Динозаврик был непреклонен. Каждый раз перед сном он «обнимал» меня ради моего же душевного благополучия и не позволял мне отказываться от помощи из неуместных в данной ситуации принципов.

В остальном, общество зильберпука было приятно и интересно. Мы говорили о межпланетных путешествиях, о контактах с другими расами, об обычаях на родине, о курьёзах на чужбине. Но когда приближалось время сна, у меня внутри всё замирало в предощущении прощальных объятий. Я покорился, попытался найти светлые стороны в сложившейся ситуации. Чуть привыкнув, почти перестал ёжиться от омерзения. Стокгольмский синдром подкрадывался, что ли?

Динозаврик появился на пороге моей каюты в неурочное время. Блёстки пульсировали в бешеном ритме, иглы то выдвигались, то втягивались, клацая и треща.

– Скорей, скорей, мой гость, не время мешкать! Очнулся повреждённый спутник ваш!

Я рванулся к аквариумам. В одном из них Адриано, теперь совершенно исцелённый, пытался вынуть из длинных волос особо крупные комки восстанавливающей слизи.

– О, как я рад, дружище Адриано! – Я бросился к товарищу и крепко стиснул его в объятьях. – Ты наконец очнулся, ты здоров!

– Я-то здоров, а ты, похоже, не очень, – пробурчал тот, пытаясь высвободиться. – Ты что, настолько стосковался по людям, что ориентацию сменил? Отпусти меня! Я не из этих!

– Не понимаешь, милый Адриано, какое счастье, что ты вновь со мной! – продолжал я надрываться, не отпуская товарища. – Ведь человек не может без объятий, и если рядом нет других людей, то добрые пришельцы зильберпуки готовы обнимать тебя нутром!

Что ни говори, этот парень быстро соображает. Своим приятным звучным голосом он пропел:

– Теперь я понял, дорогой, как тяжело жилось тебе без нас, и потому особое спасибо зильберпукам, которые не бросили в беде!

Дракончик и Техник, умилённо наблюдавшие за нашим воссоединением, отстучали иглами сложный ритм.

– Возрадуйся, товарищ, ведь с тобою есть рядом друг, которого обнять легко и просто. Но договоримся, что зильберпукам петь отныне буду я.

Я с облегчением делегировал свои дипломатические полномочия.

Через пару дней очнулся и Нестер. Мы все прилежно обнимались, и добрые инопланетяне были спокойны за наше душевное равновесие. Вскоре мы прибыли на захолустный мирок Тенебрис, откуда смогли связаться с родными, заказчиками и страховой компанией. Тут мы окунулись в бездну юридических сложностей, но со спасателями продолжали поддерживать контакт. Техник был молчун, а Динозаврик больше общался с Адриано.

Однажды, после очередного сеанса связи, мой певчий спутник вышел из каюты, безудержно хохоча. Мы с Нестером долго пытали его, что такого забавного сказал зильберпук. Потом, отсмеявшись, Адриано вывел, искусно подражая тоненькому голосу Динозаврика:

– Вы знаете, милейший Адриано, я никого обидеть не хочу, но голос друга вашего противен настолько, что терпеть не могу. И, знаете, его прикосновение шершавое, сухое – просто жуть. Иголки вянут, греются поджилки, хрустят крючочки и густеет слизь.

Нестер заржал, как конь, а я развёл руками:

– Похоже, мы друг друга передипломатили.

III. Да будут обнимашки

Заходит как-то бог-вдохновитель к богу-созидателю.

– Здоров!

– Здоровей видали.

– Не в духе?

– Не в нём, не в себе, не в сыне, – вяло ответил созидатель затёртой цеховой шуткой.

– Я тебе несу вести о последних тенденциях в высшем свете.

Созидатель хмыкнул.

– И что же сейчас в моде?

– Обнимашки! – выпалил сияющий вдохновитель.

– Это что? – хозяин почесал кудлатую макушку.

– Лично ощущать не довелось. Те, кто пробовал, уверяют, что полный Рагнарёк.

Вдохновитель придвинул к себе облако попушистее, и удобно на нем растянулся.

– Ну что, заинтересовался? Только обнимашки просто так не ощутишь. Мы же бесплотные, надо людей сотворить. Вот я к тебе и пришёл.

– У меня творческий кризис, давай в другой раз.

Но непрошенный посетитель не хотел так просто уходить.

– А это у тебя что? Не люди случайно?

– Это не люди, это творческий кризис.

Вдохновитель прищурился.

– Очень на людей похожи. Хочешь, помогу? Вдохновлю?

Бог-созидатель безнадежно махнул огромной рукой.

– Они какие-то вялые. Ничего не делают, только со зверюшками разговаривают. Даже размножаться не хотят.

Гость прыгнул с облака, обошёл мирок, на котором идиллически прогуливались два человечка.

– Они разнополые?

– Как полагается.

– Разум? Чувства? Свобода воли? Способность творить?

– По образу и подобию, – послушно ответил созидатель.

Человечки приветственно помахали вдохновителю. Тот присмотрелся к ним ещё пристальнее и победно хлопнул товарища по плечу.

– Ну вот же! Нет понятия о добре и зле!

Огорошенный творец бракованных людей бросился проверять. И точно.

– И как я мог проглядеть? Ведь не первый раз свет от тьмы отделяю!

– Ничего страшного! – успокоил глазастый гость. – Запакуй как-нибудь покрасивше и подсунь человечкам. Они, наивные, скушают.

– Конечно, скушают. Абракадабра! Румпельштильцхен! Эйяфьятлайокудль!

И на ладони созидателя появилось очень соблазнительное яблоко.

– Всегда удивлялся, как вы это делаете, – поделился гость, завороченно смотря на плод, явившийся ниоткуда.

– Я занимался с богом-логопедом, – гордо ответил созидатель, отправляя яблоко вниз.

Подождали. Помолчали. Понаблюдали.

– Слушай, действительно, очень вялые. Не берут! Давай я спущусь, подскажу им. Это что за костюмчик?

– Так, шалость. набросок. Мужчина назвал это змеей.

– Шик! Я мигом!

Бог-вдохновитель знал своё дело. Уже через несколько минут человечки съели яблоко, и что-то в них необратимо изменилось. Довольный подсказчик вернулся на облако со змеей на шее.

– Если позволишь, этот прикид я себе оставлю. Попугаю парочку зазнаек.

– Да пожалуйста, у меня таких полно.

Людишки в растерянности рвали листья и делали себе одежду.

– Мы так никогда не дождёмся обнимашек, – заметил вдохновитель.

Созидатель нахмурился, и небо над человечками почернело, блеснуло, громыхнуло. Маленькие мужчина и женщина в ужасе прижались друг к другу.

– Вот это хорошо! Целуйтесь и обнимайтесь! – напутствовал их творец, прислушиваясь к ощущению обнимашек, наполнявшему его существо.

Гость прикрыл глаза и почмокал губами, смакуя новое удовольствие.

– Громыхни-ка ещё разок, чтобы им мало не показалось!

Впрочем, скоро оба пресытились обнимашками.

– Знаешь, все эти рассказы сильно преувеличены. Приятно, да, но ничего особенного. Ну что, эксперимент удался. Можно теперь этих удалить.

Гость указал на трепещущих человечков.

– Ты знаешь, у меня ещё пара задумок есть. Пусть будут пока. Они на самообеспечении, я велел им самим добывать хлеб свой.

– А, ну отлично. Тогда до скорого.

Маленькие мужчина и женщина облегчённо выдохнули.

Но, как оказалось, рано обрадовались.

Всего через пару столетий бог-вдохновитель вновь посетил своего приятеля, принеся свежие веяния.

– Не поверишь, какую фишку придумали! Войну! Говорят, просто Большой Взрыв! Попробуем?

У бога-созидателя в глазах заплясали опасные огоньки.

Звёздный час

Не могу поручиться за точность, но видится мне, что так и будет.

В: – А я говорил, надо было заранее выехать!

Ч: – Надо было громче говорить.

Г: – Ребята, не ссорьтесь, без нас не начнут.

В: – Наивный! Этим палец в рот не клади, руку откусят.

Г: – А что, бывали случаи?

В: – У-у, чего только не было! Кровь в жилах стынет и волосы дыбом! И это у меня, а вы меня знаете.

С: – Так, отставить разговорчики. У нас, между прочим, очень ответственная роль.

Г: – Да, звёздный час, можно сказать.

В: – И мы на него опаздываем!

Ч: – Да расслабься ты, не гони лошадей.

В: – Если бы ты не собирался триста лет, я бы, может, и расслабился!

Ч: – Положим, тебе всё равно, как перед людьми показаться, но это ещё не значит, что остальным тоже плевать. Я, можно сказать, к этому дню целую вечность готовился!

Г: – Хватит, хватит! Если мы и опоздаем на пару минут, никто и не заметит среди общей шумихи. Нас все ждут; все, кто надо, в курсе. Что вы грызётесь, будто голодная свора?

В: – Всё, ребята, приехали...

Г: – Да-а-а, вот это приехали... Очуметь...

Ч: – Эй, я попросил бы!

С: – Ну что за люди! Чтоб они все сдохли! Я так и знал, что без нас начнут!

Всадник на бледном коне оглядел всеобъемлющий хаос и в сердцах сплюнул на многогрешную землю.

Лес рук

Витя никогда не попал бы в Лес рук, если бы не случайность во время скучной экскурсии на какой-то завод. Сейчас на месте левой кисти он видел неприятный обрубок, покрытый матово-серой коркой, которую напылили врачи «скорой». Витя поднял взгляд и осмотрелся, немножко не веря своим глазам. Было страшновато.

Вообще-то, «Лес рук» – это громко сказано. Так, рощица. Крепенькие деревца, и молодые, и толстоствольные, развесистые. Но все не выше среднего мужчины. Кора нежная, тонкая, тёплая. У одних розовая, у других чёрная, у третьих жёлтая – и всех промежуточных оттенков тоже. У тех, что посветлее, под корой просвечивают фиолетовые и голубые сосуды. Ручки, которые только проклюнулись, сжаты в кулак, на запястьях перевязочки. Ручки постарше, но ещё не совсем развившиеся, держали вытянутые пальцы кончиками вместе, напоминая нераскрывшийся тюльпан.

Витю за локоть вёл известный генетик-селекционер в замызганном белом халате. Надо было подобрать качественный пересадочный материал. По рассеянности учёный постоянно сверялся с медицинской картой мальчика: всё время забывал, какая нужна группа крови.

– Вам не страшно здесь работать? – осмелился спросить Витя.

– Чего здесь бояться? – откликнулся генетик, и принялся искать по карманам очки. Очки были на седеющей макушке.

– Ну... – неуверенно протянул невезучий экскурсант.

Многие руки явно были недовольны, что в рощу пришёл посторонний. Они потрясали кулаками, показывали неприличные жесты, пытались цапнуть. Притом на одном дереве могли быть и враждебные, и более дружелюбные: видимо, от разных доноров. Несколько чёрно-фиолетовых рук неуверенно помахали Вите бледными ладошками. Одна старческая, с коричневыми пятнами, потянулась ободряюще погладить. Некоторые явно настроились для пожатия, но Вите не хотелось вводить их в заблуждение: ему нужна была левая.

Взрослый нашёл-таки очки, водрузил на нос. Стоило ему отвести взгляд, и он уже забыл о юном госте. Пошёл проверять капельницу у чахнувшего дерева. Пощупал пульс у двух-трёх непарных рук. Те отзывались на его движения, но совсем вяло – похоже, недолго им осталось. Из ленты со шприцами, перекинутой через плечо, как магазин какого-нибудь киношного террориста, генетик достал один, с розовой жидкостью, и вколол самой квёлой руке. Похлопал по пясти, сжал пальцы. Подозвал ассистентку с тележкой, на которой позвякивали баллоны «Питательная смесь». Девушка понятиливо выслушала указания и что-то записала в блокноте.

– А что будет, если дерево спилить? – спросил Витя.

Селекционер вздрогнул, вспомнил, что у него посетитель. Проворчал в усы, мол, я учёный с мировым именем и должен заниматься наукой, а не какими-то глупыми мальчишками. На это есть всякие администраторши, которых почему-то никогда нет. Вспомнил про медицинскую карту школьника, принялся искать очки. Очки были на носу.

– Что будет, если спилить? – допытывался мальчик.

– Будет красивый красный фонтан. И тридцать пар перчаток. И большая куча сырья для питательной смеси. Так, не забивай мне голову. Квадрат 10-А.

По пути к квадрату 10-А генетик несколько раз останавливался, чтобы сделать инъекцию чахнувшим рукам, проверить кору, выговорить ассистентам. «Квадрат 7-А, четыре дерева на 11 часов – сухая кожа, увлажнить! Чёрное дерево на 3 часа – капельницу с успокоительным, они опять дерутся. Квадрат 8-А, оно всё-таки загнулось. Игната с пилой сюда».

Витя думал, что теперь, наверно, не сможет без содрогания смотреть зимой на «перчаточные» деревья. На ветру потерянные детские перчатки слишком похожи на живые.

– А ноги тоже так выращивают?

– И ноги, и всё, что хочешь. Сердечное дерево похоже на яблоню, а лёгочное – на рябину. Только мозги не выращивают. Так, – ученый остановился, сверился с карточкой, бегло осмотрел дерево, довольно кивнул. – Выбирай. Пока пришьём то, что есть. Родители твои решили, что хотят тебе твою же руку. Поэтому в лаборатории у тебя сегодня возьмут кровь, сделаем дереву прививку, и через два месяца рука созреет.

Витя нашёл левую руку нужного размера. Показал генетику. Тот достал портняжную ленту, обстоятельно обмерил и Витину, и донорскую руку. Хмыкнул, вытащил из своего магазина шприц с голубоватым веществом и вколол выбранной руке в запястье.

– Это обезболивающее.

– А осенью все руки опадают?

– Ещё скажи, на юг улетают, – криво улыбнулся взрослый и вытащил из кармана ручную электрическую пилу.

Витя поспешно отвернулся. Послышалось сердитое, влажное, хрусткое жужжание – и через минуту бледный школьник держал под мышкой холодный контейнер с пересадочным материалом. Путь до больницы при Плантациях трансплантации, заплаканную маму и нахмуренного папу, прилетевших к нему с другого континента, равно как и саму операцию мальчик помнил весьма смутно. Слишком было страшно. Зато через два месяца, когда созрела его собственная рука, Витя уже не боялся. Ни Леса, ни рассеянного генетика.

– Здравствуйте. Я Витя Чернышёв, помните меня?

– Что я, всех должен помнить? – буркнул тот в усы. Он опять не мог отыскать свои очки. Они висели на нагрудном кармане замызганного халата.

– Где-то здесь растёт моя левая рука. Я за ней пришёл.

Мальчик протянул свою медицинскую карту, кашлянул и указал учёному на очки. Тот резко напятил их на нос и принялся раздражённо листать Витины бумаги.

– Квадрат 10-А.

Витя уже без страха пожимал протянутые руки. Здесь мало что изменилось. Разве что на месте того чахлого дерева с капельницей теперь стоял тонкий саженец, весь усеянный малюсенькими кулачками с перевязочками.

– А что будет с этой рукой, когда её отрежут? – спросил Витя.

Генетик оторвался от изучения ногтей жёлтой женской ручки.

– Галя, ну сколько раз повторять: грязи под ногтями не должно быть! А тут хоть морковку сажай! Что, зря я, что ли, плакат повесил: «Мойте руки перед поливкой»?

Прибежала красная Галя с маникюрным наборчиком.

– Правильно. И постриги. А то исцарапают друг друга из ревности, как такие пациентам пришивать?

Селекционер обернулся, увидел школьника, опять полез ворошить карточку мальчика. Две шаловливые непарные руки изобразили над знаменитой головой оленьи рога.

– Квадрат 10-А, – подсказал Витя. Они снова зашагали. – Так что будет с этой рукой, когда её отрежут?

– Что-что... Крокодилам отдадут. Да не смотри ты так, шучу я. Просто переработают на питательную смесь.

– Жалко. Она хорошая, хотя и не моя. Может, её кому-то ещё пришить?

– А ты захочешь чужой щёткой зубы чистить?

– Но она же не щётка. Она живая. Разве можно её так?

Генетик странно посмотрел на школьника поверх очков. Потом покачал головой и принялся придиричливо ощупывать и измерять собственно Витин трансплантат. Руки – те, что росли повыше, – мягко гладили учёного по седеющим вихрам.

Уже через полтора часа Витя выходил из больницы при Плантациях с перебинтованным запястьем. Снаружи ждал папа.

– Как настроение, боец?

Витя широко улыбнулся и пока ещё неловко оттопырил вверх большой палец.

– Смотри, что я тебе привёз. – Он протянул сыну солидные часы с широким ремешком.

– Какие красивые! Спасибо, пап.

– Да, тут подбежал ко мне какой-то неопрятный в халате, передал тебе пакет.

Витя недоумённо посмотрел на отца. Потом осторожно раскрыл пакет и увидел довольно странное комнатное растение: левую руку в глиняном горшке. Рука держала записку с коряво-размашистым: «Полстакана молока в день». Витя погладил вдруг ставшие чужими слабые пальцы – теперь они уже не слушались мальчика, но преданно откликнулись на ласку. Улыбнулся, прижал к груди драгоценный пакет:

– Пап, ты же у меня самый-самый смелый? Давай ты скажешь маме, что теперь моя старая рука будет жить у нас на подоконнике?

Всё разрешено!

– Простите, кто последний в очереди на убийство? – спросил я толпу людей в тесном учрежденческом коридорчике.

– А вы в жертвы записываться или?... – откликнулся старичок в буром костюме и с бородавкой на скуле.

– Да нет, я хотел бы сам.

– Все бы сами хотели. За мной будете.

Я пристроился за бородавчатым, украдкой оглядывая собравшихся. Больше молодых, конечно: кровь бурлит, душа требует справедливости. Вот как у меня, например. Тощенькая остроносая девушка решительного вида, нервный парниша, кучка студентиков, а к ним уже публика постарше: пара прокуренных мужиков, обрюзгшая тётка с недовольным лицом, один попугаистый эстет, оглядывающийся так, будто попал сюда случайно. Ну и прочие, менее колоритные персонажи. Удивительно, скольких совершенно разных людей может объединить жажда крови.

По цепочке мне передали фиолетовый химический карандаш.

– Это зачем? – удивился я.

Недовольная толстуха уничижительно фыркнула:

– Сразу видно: в первый раз в очереди. Запишите на руке свой номер. Вы что же, юноша, думаете один день тут стоять? Простота!

Я послушно записал продиктованные дедулей цифры. Он пошевелил моржовыми усами и мясистым носом и осведомился:

– А вы кого собрались с жизнью распрощать?

Я помялся, но ответил:

– Одного менеджера с работы. Всю душу вымотал, скотина.

– Тогда вас в корпус Г пошлют. Можете сразу там очередь занять. А вы как думали? На подачу документов не меньше недели уходит.

– Я взял отпуск за свой счёт.

– Предусмотрительно, очень предусмотрительно, – заметил эстет, дёргая бровями. Если бы это не был нервный тик, я бы записался за разрешением на нанесение побоев. Очень уж похабно у него с бровями получалось.

– А вы всю аргументацию собрали? – поинтересовался студентик с дыплячьей шеей.

Я показал пухлую папку со справками, протоколами, аудиозаписями, фотографиями, свидетельствами очевидцев и прочими обоснованиями моих претензий. Готовился я долго и обдуманно, семья во всём меня поддерживала. Родные считают, что надо недельку покуковать в очереди, чтобы стать настоящим мужчиной.

– А магарыч? – не унимался старичок.

– В официальных требованиях ничего такого не упоминалось! – возмутился я, мгновенно покрываясь потом. Хотя что это я, ведь завтра тоже стоять. Вечером куплю.

– Простота!

– Что вы, молодой человек, это же неписаное правило. Мужчинам – дорогой коньяк и мясную закуску, женщинам – качественное вино и конфеты, желательно импортные, – просветил меня бурый дедок. – Купите и то, и то. Скорее всего, разрешитель будет женщина, и тогда вам останется, чем отпраздновать подачу документов.

Он хитро подмигнул. Я попросил карандаш, и к номеру на руке прибавился жирный крестик. Помолчал. Было неудобно: казалось, что все на меня косятся исподтишка и чего-то ждут. Откашлявшись, я обратился к дедуле:

– А вы кого хотите... ну... того?

Очередь расслабилась. Я всё сделал правильно.

– Молодой человек, привыкайте прямо говорить о том, на что, не стесняясь, просите разрешения. – Он снова пошевелил усами, довольный, что им интересуются. – Я на жену. Занял в две очереди: на развод и на убийство. И она тоже в две. Что-то ведь должны разрешить. С разводами обычно проще выходит, но тут не угадаешь.

– И не боишься, козёл, что я раньше тебя на убийство записана? – зашипела толстуха с недовольной миной.

Я посочувствовал старичку и мысленно пожелал ему удачи.

– Чего бояться, Лидуся? Разрешители тоже люди. Они как тебя увидят, сразу в моё положение войдут.

Публика загалдела, со всех сторон посыпались кому-то, наверное, любопытные мнения и для кого-то, наверное, обидные оскорбления. Я отключился от окружающего гама. Один папин знакомый сказал, что в такой очереди познал дзен и навсегда отказался от насилия. Работает теперь в приюте для собак. Созерцая трещину на стене, я понял, что и сам в скором времени смогу отрешиться от всего земного.

Напротив, на доске с гордым заглавием «Наши достижения», висел коллаж из газетных вырезок. Я подошёл поближе, чтобы прочитать.

«Кровавое убийство разрешено и совершено!

Испокон веков люди сталкивались с жестокими запретами. Это выразилось в религиозных текстах, мифах, шедеврах литературы: достаточно вспомнить Адама и Еву, Орфея и Эвридику, Ромео и Джульетту. Запреты подавляли человеческую природу, что в итоге неизбежно выливалось в конфликт: либо внутриличностный, либо конфликт с тем, от кого исходил запрет, – и в итоге это приводило к трагедии. Но наше правительство хочет видеть своих граждан счастливыми!»

Сразу видно, стажёр писал. Ишь, как подлизывается. А слог такой, будто с учебника по обществознанию за пятый класс содрал.

«В наше просвещённое время нет и не может быть никаких запретов. Есть только действия категории ПР, на которые необходимо получить разрешение. Сегодня речь пойдёт о человеке, который такое разрешение получил и осуществил свою мечту!

Алексей Иванович Лихих ещё 26 лет назад начал подозревать, что жена изменяет ему с соседом по площадке. “Примерно тогда же, – говорит счастливец, – я начал собирать аргументацию. Если посчитать, в сумме я провёл в очередях больше года, но это не остановило меня. Я хотел справедливости! И вот, наконец, получил разрешение на жестокое убийство любовника жены колюще-режущим предметом. Письмо пришло в мой 54-й день рождения, и это был лучший подарок в моей жизни!”»

До чего, наверное, у него была скучная жизнь и никудышные друзья, если ничего более приятного не подарили за полвека.

«Сосед Алексея Ивановича был оповещён о дате его предстоящей кончины ровно за месяц, согласно законодательству. За несколько дней до приведения разрешения в исполнение нам удалось взять у него короткое интервью. “Я и не подозревал, что Лёха знал и молчал всё это время. Меня давно уже мучит совесть, так что когда поступило извещение, даже как-то легко на душе стало. Сейчас я улаживаю дела, возвращаю долги и всё такое. Я считаю, Лёха в своём праве, и я готов отвечать за свои поступки”.

20 июля в присутствии двоих контролёров Разрешительного бюро Алексей Иванович отказался от права отступить и жестоко зарезал своего соседа кухонным ножом. Он нанёс 26 ранений по числу лет измены и обмана».

Здесь была вставлена красочная фотография Алексея Ивановича: ликующее, забрызганное кровью лицо, в руке поблёскивает тот самый колюще-режущий предмет, больше напоминающий не нож, а внушительный тесак.

«Мы спросили Алексея Ивановича, что он чувствует, вытирая кровь обидчика о его же брюки. Вот что ответил наш герой: “Я давно не был так счастлив! Я добился, чтобы общество признало мою правоту, и осуществил задуманное без колебаний. Призываю всех, кто ещё сомневается: не гоните лошадей, а подавайте аргументацию. Месть особенно сладка, когда твой план одобряют высшие инстанции. Это как индульгенция, понимаете? – Алексей Иванович попирает своей могучей стопой голову поверженного оскорбителя. – Я чист и абсолютно счастлив!”»

Гомон за спиной наконец унялся. Похоже, с ними уже можно общаться.

– Я ещё понимаю, когда кто-то хочет прикончить ближнего. Но чтобы записываться в жертвы?

– Им просто не дали разрешения на самоубийство, – подала голос решительная девушка с тёмными кругами под глазами.

– А что, везде такие очереди?

– Когда как, – вклинился студентик с цыплячьей шеей. – Вон, видите, толпа беременных во дворе. Эти за абортom. Но в то окошко меньше полугода не ждут: государство заботится о рождаемости. У меня сестра так стояла. Много переосмыслила, всю школьную классику перечитала. Через два года, когда Сёму в садик сдала, защитила диплом по серебряному веку. Говорит, пока ждешь, можно как получить образование, так и лишиться рассудка, пятьдесят на пятьдесят.

Прямо под окнами женщины на разных сроках обсуждали пелёнки-распашонки. Похоже, большинство приходило сюда исключительно ради компании, хотя была парочка таких, которые стояли из тупого упорства. Две будущие мамашки прогуливались по кусочку голой земли, вытопанному до непробиваемой твёрдости. На остальных газонах торчали знаки «ПР».

Вдруг из корпуса напротив выбежал замухрышечный мужичок, победно расхохотался и принялся бешено скакать по ярко-зелёной траве, размахивая бумажкой. Беременные улыбались и сдержанно хлопали. Как радуется! Может, я не в ту очередь встал?

Рядом пристроилась решительная девушка, уложила острые локти на облупленный подоконник.

– Дорогого стоит, когда мужчина умеет добиться своего. Даже если это всего лишь право топтаться по газонам.

Наверное, надо спросить, зачем она здесь. Почему бы не сделать человеку приятное?

– А вы кого собираетесь убить?

– Бывшего, – просто бросила она. – Если честно, убивать его я не буду. Так и скажу разрешителям, даже отступительную заранее подпишу. На таких условиях они быстро одобряют. Пусть этот свинюк побегаёт месяцок с подпаленной задницей, осознает, какое он ничтожество, прощения попросит. А что? Волки сыты, овцы целы, госпошлина уплачена. Всем хорошо. И урод этот, может быть, поймёт что-нибудь и не будет больше так себя с девушками вести.

Я улыбнулся. Дерзкая!

– А я тоже убивать не буду. Даже разрешение необязательно. Достаточно, чтобы на работе слух прошёл, что я встал в очередь. Этот недопырок все штаны уделает и пасть свою поганую на меня больше не разявит. Да и родные зауважают.

Девушка подняла на меня свои серо-голубые, обведённые кругами усталости глаза.

– Это правильно. Совсем по-другому на мужчину смотрят, когда он в очереди отстоял. У меня пара знакомых есть: они знали, что от армии никак не отмазаться, но аргументацию подали. Потом отслужили, вернулись, получили ответ от разрешителей и на стену повесили, как почётную грамоту.

Очередь за моей спиной зашевелилась. Из-за обитой дешёвым кожзамом двери появился парниша с огромной стопкой бланков и просветлённым лицом.

– Ну что? Ну что? – насели на него ожидающие.

– Сказали ещё несколько справок и свидетельств собрать, потом печати проставить, потом в корпус В, и ждать рассмотрения.

– Молодец! Так держать!

Прокуренные мужики похлопали парнишу по спине так, что часть бланков разлетелась. Тот улыбался, как помесь народного целителя и звезды среднего пошиба.

– Следующий! – приглушённо донеслось из-за заветной двери.

Толстая тётка поднялась и пошла в наступление, её муж в буром костюме напрягся и стал натужно хохмить. Я взглянул на часы. Такими темпами можно штаны насквозь протереть. Тщедушный мужичок за окном всё ещё гарцевал по газону, и мне тоже захотелось на воздух.

– Может, кофе попью? – спросил я у решительной не-убийцы.

Она блеснула неотразимой улыбкой и согласилась.

Недобрые известия

Мирон Аркадьевич сидел в солидном удобном кресле и, пряча раздражение, листал газету. Он, к слову сказать, газет не жаловал, однако так уж издавна повелось в их роду. И отец, и дед, и прадед выписывали по несколько изданий, даже при том, что бумага была дорога, и в копеечку влетала им такая прихоть. Отец, бывало, говаривал: «Газета, сынок, не для того только надобна, чтобы новости узнать. Она для того ещё, чтобы и ты, и окружающие помнили, что ты человек знатный, образованный и состоятельный». В конце года он собственноручно делал подшивку и отправлял её храниться на чердак. Никто потом эти подшивки не перечитывал, но маленький тогда Мироша знал: отец втайне тешит себя мыслью, что его архив принесёт пользу будущим поколениям. Мирон Аркадьевич вздохнул и вернулся к чтению.

«Вот ведь неблагодарные скоты, – думал он, скользя взглядом по мелким строчкам. – Рабочий день им сократили, дали один выходной в неделю, а они всё не уймутся. Того и гляди, как на Западе, прав потребуют и пойдут баррикады строить!»

Аристократ снова отвлёкся от газеты. Он не любил недобрые известия, особенно на ночь. И за рубежом, и в Империи нарастала тревожность, и Мирон Аркадьевич, как не последний человек в Министерстве, спал всё беспокойнее.

Любимая жена, Елена Карловна, вышивала у камина, что-то тихонько напевая. У ног её уютно свернулся верный Казак, уложив пятнистую морду на лапы. «Словно с открытки сошли», – с тянущей тоской подумал Мирон Аркадьевич и тут же оборвал непрошенные мысли.

Жена будто почувствовала его взгляд, подняла пронзительно-голубые глаза, мягко спросила:

– Mon petit, что-то не так?

– Ничего, chérie, задумался просто.

– Вечно у вас настроение от этих газет портится. Не берите в голову, mon amour, всё устроится. И не такую смуту Империя переживала, а всё стоит.

Муж хмурился, и поэтому Елена Карловна поспешила его отвлечь:

– От Лизаньки сегодня весточка пришла, а я забыла вам сказать. Передаёт, что всё хорошо, учится прилежно, подружилась с некой Jeannette, они вместе лягушек препарируют. Она с таким волнением пишет, что скоро...

– Иногда я всё же сомневаюсь, правильно ли мы поступили, когда отдали её в медицину. Пристало ли девушке благородных кровей всяких тварей болотных разделявать да на трупы любоваться?

– Что вы, душа моя, она же всегда хотела помогать людям, всегда интересовалась врачебным искусством. В дедушку пошла, не иначе. И потом, не забывайте, в каком веке мы живём. Мне кажется, с возрастом ваши взгляды начинают коснеть.

Жена улыбнулась тепло и с лёгким лукавством.

– Я не имею ничего против, если она нашла своё призвание, – Мирон Аркадьевич устало потёр переносицу и отложил газету. – Только если что-то случится, не дай Бог, призовут на службу и врачей, и сестёр, и даже недоучек.

Елена Карловна заглянула в глаза мужу, и что-то внутри у неё сжалось. Неужели и впрямь...

Тут вошёл старый Лазарь, поклонился, тряся головой.

– Деша из Министерства, барин.

Мирон Аркадьевич напрягся. Ничего хорошего ждать не стоило, иначе потерпели бы до завтра.

– Вызывают?

– Вызывают, барин. Срочно видеть вас желают-с.

– Ma chere, мне нужно будет уехать. Ложитесь, не ждите, буду поздно.

– Только, Мирон Аркадьевич, – дребезжащим голосом проговорил дворецкий, – Афанасий не успел безобразие хулиганское оттереть, думал, раньше завтрава вы никуда не поедете-с.

– Ничего, Лазарь, это неважно. Важно в Министерство явиться вовремя.

Старик кивнул, всё так же тряся головой. Барин широким шагом направился в прихожую, дворецкий зашаркал за ним. Елена Карловна закусил губу, но потом выдохнула и снова упрямо взялась за вышивку. Казак поднял голову, посмотрел на хозяйку и улёгся снова. Что-то было не в порядке, но он ничем не мог помочь.

Мирон Аркадьевич молодецки запрыгнул на подножку. Глянул на родные окна. На развалюху-Лазаря. Афанасий стоял рядом, виновато опустив очи долу. Размашистая надпись «Рабо-владелец и царский пёс» была намного бледнее, чем утром, но читалась вполне легко.

«Хорошо ещё, наши не бунтуют, – подумал он. – Но Лазаря всё равно пора либо в починку, либо в утиль». Мирон Аркадьевич вздохнул, ввёл программу ТР-платформы и взмыл в небо. Назревало восстание роботов, и он нужен был Министерству и державе.

Без претензий

Скажи мне кто месяц назад: «Лететь тебе, Щёкин, в космос», – я б ему за враки да по хребтине. Я и сейчас поверить не могу. Весь наш звездолёт, понимаешь, простецкая такая четырёхкомнатная квартирка. Обставлена как полагается: пришёл в мебельный, увидел – хватай, пока не разобрали, потом будешь думать, нужно оно тебе или нет. Одним только отличается от земных квартир: в санузле стены прозрачные, с видом на «ба'хатно иск'ящуюся че'ноту», как говорит Умник Первый.

В общем, дело было так. Прилетели... Нет, не прилетели. Телепортировались или вроде того. Зелёные эти человечки. Сам я их не видал, а в партнете съёмки нет, так что точно сказать – не скажу, зелёные или нет. Явились такие, и без обиняков: «А дайте нам троих совершенно среднестатистических землян. Мы вам их обязательно вернём. Зачем? Сюрприз будет. Да вы не бойтесь, мы ж с миром». В общем, ох ты гой-еси, Союз Республик Поднебесных. А и есть ли в тебе богатырь такой, чтоб ничем от остальных не отличался? Ведь легко быть богатырём, если ты силой чудесной обладаешь, а ты попробуй-ка без неё!

Я в первый отбор попал, потом и во второй. А потом оказался тем богатырём. Остальных кандидатов выбирала Африканская Коалиция и Американские Эмираты. Нехристи империалистические. Вот лечу теперь с их представителями. Ещё и шпионы, небось.

«Будто ты са-ам не шпио-он отча-асти», – замечает Умник Второй. Хмыкаю. Пожалуй, что так. Как и любой посол.

Боязно, конечно, было соглашаться. Но, во-первых, против партии и церкви не попрёшь. А они самым что ни на есть увещательным образом убеждали. И грозили. И пряничек посулили, как без этого? Пожизненный апгрейд личности с занесением в генную карту и третная блокировка контроль-чипа. Кто ж откажется?

От Коалиции выбрали негра высоченного, губошлёпого. От Эмиратов – краснокожую индейку, индейку, как их там. Корректность, понимаешь. И вот летим мы. Квартирка в современном вкусе XXIII века от Р. Х., в санузле дыра в космос, и три пассажира: этакий Есенин в косоворотке по имени Щёкин Дэшэн, гордая дочь команчей в замшевом костюме с висюльками и курчавый мавр в ярко-синем платье до пят.

Только не просто так Земля-матушка своих кровиночек отправила к чудам неведомым. В наши мозги (спасибо, места хватает) тайно записали, кроме лингво-модуля, к каждому по две личности набольших учёных планеты. По две, потому что для такого важного посольства по одной мало, да и скучно им там было бы в одиночку. С нами-то, обычными людьми, и поговорить не о чем. А так и умникам обчество, и для Родины полезно очень. Ежели чего, и кривду басурманскую раскусят, и посоветуют, как вести себя, и понаблюдают, а то, может, секрет какой научный выведают. Но пока мы летим, учёные эти только и делают, что шуточки про нас, убогих, отпускают. Хорошо, что я не слышу их почти. Лесли Сьен-Фуэгос, из команчей которая, та говорит, от своих двоих, мол, скоро чокнется. А Йон Абега частенько повторяет: «Я под высокоинтеллектуальные беседы засыпаю, как сытый младенец».

Неловко бывает порой, когда в твоей голове посторонние обретаются. Отправляешь себе насущную потребность, а они консилий устраивают про то, что звёзды, мол, не сместились совсем с предыдущего наблюдения. И что это мы среди пояса Койпера болтаемся, и каков принцип движения, и куда направляемся, и протча. Ну, мы-то люди простые, без претензий, знай, своим делом занимайся. Если я умников слушать буду, с меня потом и спросят, как с них. Так что я о погоде думаю. А в космосе это непросто: воображение надо иметь, вона что.

А со спутниками своими я сперначалу молчал больше. Привыкал, присматривался. Как же, с их то странами у нас конфликт ведь извечный. Мы, значит, им и сырьё даём, и всю планету кормим-одеваем, а они с нами обращаются как с грязью. Ну, и мы не лаптем лапшу хлебали. Ощетинились в ответ, круговую оборону заняли, товары им в малую дверцу пропихиваем, деньги из лоточка забираем, пересчитываем трижды, а дальше – четыре замка, два засова, цепочка и ещё стулом подпереть. Так что с этими Леслями-Йонами я сначала настороже был. «Передайте соль, пожалуйста», да «будьте любезны», да «ничего страшного, так даже лучше». Погоду обсуждали тоже. Как могли. Потом-то попроще стали.

Лесли ничего, бабёнка в порядке. По плечам косищи в руку толщиной, и телом крепка. Только вот нос – что у твоего Абрама, да мне с ней не христосоваться. Сама с придурью: «Я сенсопрактик». Как понесла ересь, насилие удержался от крестного знамения! Про сверхъестественные способности, и передачу мыслей, и предвидение будущего, и тонкие энергии. Верит, значит, что сможет зелёных человечков с первого взгляда прочитать. По звездолётным вечерам из её комнаты мычание странное да прихлопывания слышу. А однажды ночью мне малым-мало спалось, так увидел её среди гостиной – прощения просим, кают-компания – на одной ноге, руки врозь, два глаза закрыты, третий на лбу намалёван. И таким макаром, значит, молитву бесовскую, али что ещё справляет, пританцовывая. Ну да Бог ей судья, а я над входом в свою горенку крестик-то начертил.

Йон тоже своеобразный. Вроде негр негром, как я их представлял. Обходительный очень. Все «мерси», да «пардон», да «мсьё» и «мамзель». Тоже с причудой: очень хочет японскую, вишь, культуру возродить. Даже хвалится, что у него среди предков какой-то ихний писатель, вроде, Мацу Босой. А японцев этих лет сто тому – то ли смыло, то ли трянуло так, что осталось их в горстке да в напёрстке. Умник Второй у меня в голове хмыкает и ехидно так осведомляется врасяг: отку-уда такие, мол, позна-ания? А я ему: мы тоже не хухры тебе мухры, не халам тебе балам. Комиксопедию на досуге почитываем. Умник Первый хихикает презрительно, а я ему – шиш, и думаю себе дальше про Йона.

Тот для развлечения взял на борт саблю японскую, редкую, катану по-ихнему. По звездолётным утрам упражняется, значит. Ну, оно дело благое, плоть брентную размять. Я тоже вприсядопку поплясываю, когда ноги просят, и зарядку в шесть часов под гимн, как штык, привычка же. Но так, чтобы эти империалисты не видали и не слышали. Что Йонов ниндзя.

А еще этот плосконосый стишки нескладные сочиняет в три строки. Сам думает, что очень они утонченные и глубокомысленные. Зачитывает нам с Леськой их пачками. По мне – дурь беспросветная. Ну, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы брак не выпускало.

Так и текут день за днём, неделя за неделей. Кормёжка ничего. Синтезятина, конечно, – так мы привычные. Чай, не буржуи какие. Только вот от неизвестности и от честной компании быстро мутить начало. Сидим этак за завтраком, а Йон затягивает свою унылую песню:

Осень в космосе.

Звёзды повсюду вокруг.

Не наглядеться.

Не иначе, как в уголке задумчивости сочинил. Леська ему что-то вежливое говорит, а я прямо рублю:

– Йон, ну что ты, в самом деле! Здоровый мужик, а стишки сочиняешь! И если этих японцев смыло, значит, Бог так судил, туда им и дорога. Зачем прах ворошить? Сделал бы что полезное.

– Кроссовки, пардон, сшил? – огрызается.

Я чуть не задохся от возмущения. Отец мой на производстве кроссовок всю жизнь, и дед, и его отцы и деды, и так до нашего благословенного предка Ли Вэньмина, земля ему пухом! И я с честью их дело продолжаю, эглеты на шнурки, понимаешь, насаживаю во имя Господа нашего, партии и Союза Республик Поднебесных!

– Ах ты, рабская подмётка, горилла ты в халате, стихоплёт, япона твоя мать!

Смотрю, а у этого обезьяна ноздри в два раза шире против прежнего стали. Были б здесь мухи – единым вдохом по пяти бы засасывал.

– Друзья, успокойтесь! Не надо переходить на личности, говорю вам!

Лесли вскидывает медные руки, но Абега уже хватить биоблюдо толстодонное, а я – уродливую сувенирную лампу. Нос чешется, заваруху чувствует.

И тут, значит, умники в моей голове как подняли шайтан-майдан! Я аж пол с потолком попутал. Так меня согнуло, что только минут через пять очапался. Гляжу, Йошка тоже шатается, за стену держится, уши трёт и ругается – заслушаешься.

Леська смирёхонько чай попивает и нас приглашает:

– Братья-земляне, искусство часто вызывает бурные эмоции и разногласия. Присаживайтесь, давайте выберем более нейтральную тему.

А сама глазками своими зырьк-зырьк. Глазки-то у ней славные. Будто портной, её лицо задумав, кроил скупно, уверенно, да чуть поленился, до уголков не дорезал. Гляжу на Леську эту, и на душе тепло становится: будто дома побывал.

Выдыхаю медленно, сажусь в кресло-мультиформ. Оно обнимает уютно, ощущает мою напряжённость, массаж включает. А Умник Первый в голове нашёптывает: «Ты же п'актически 'азведчик. Слушай внимательно, запоминай, на п'овокацию не поддавайся. А потом начальству всё по по'ядку доложишь». Понимаю, что это он нарочно меня успокаивает, а и правду в его словах вижу. Ну ладно, послушаюсь. Свой ведь Умник, чай, не забугорский какой, общую пользу Поднебесных преследует.

И Йошке его учёные, видать, нашептали всякого убедительного: утихомирился, ноздри обуздал, глаза в орбиты вернул.

– И что же обсуждать предлагаете, любезная мадемуазель Сьен-Фуэгос? – спрашивает. Блюдо поставил. Галету крошит, а блюдо урчит, питается, цвет от удовольствия меняет, что твоя каракатица.

– Ты его не перекармливай, брат землянин, – бурчу я. – А то потом ни крошки подбирать, ни плесневелые бочка объедать не будет, а за хорошие продукты возьмется. Было у меня такое блюдо, расписное, гжельное, от тётушки досталось. Уж она его так залюбила, ничего съестного потом нельзя было на него положить.

Вроде, хочет возразить мне, дрын обугленный, а видит, что на мировую иду. Галету в рот свой необъятный сунул, захрустел.

– Меня больше всего интересует, мсьё Щёкин, зачем нас везут неведомо куда, – говорит он, жуя.

– Это же очевидно, – откликается краснокожая. – Мы – расходный материал, говорю вам. Иначе потребовали бы исключительных представителей Земли. А мы самые обычные. Большого убытка не будет, если нас пустят на запчасти.

– Вот те раз! – не удерживаюсь я. Умники в голове вздыхают, дескать, и как до него раньше не дошло. – Так-таки помирать? А как же наши учёные домой доложатся?

Умник Первый меня утешает: «П'и дубли'овании личности на внешний носитель копия всегда сох'аняет не'аз'ывную связь с о'ригиналом, так что даже гибелью своей ты окажешь неопенимую услугу Отчизне». А Умник Второй добавляет: «Хотя ваша героиническая кончина наибо-олее вероя-атна, но другие исходы то-оже возмо-ожны».

– И что, по-вашему, с нами сделают? – спрашиваю.

– На опыты пустят, говорю вам, – заявляет Лесли уверенно. – Но это ерунда, мне бы только их увидеть, этих инопланетян. Я тут же их внутреннюю оболочку считаю и проникну на уровень тонких энергий. Там и останусь, тогда мне смерть не страшна.

– С вашего позволения, вы ошибаетесь насчёт опытов, мадемуазель Сьен-Фуэгос. Зачем тогда нужна была вся эта шумиха? Могли бы незаметно украсть троих случайных прохожих, никто бы и не хватился. Мои учёные меня поддерживают.

– На что мы этим инопланетянам, спрашивается, тогда сдались?

– Может, они заметили зонды, которые люди отправляли в космос, пока исследования окончательно не захирели. И теперь хотят принять нас в дружную семью галактических цивилизаций, – предполагает африканец. Небось, умники ему таких длинных слов нашептали.

«Вот позо'ище будет пе'ед этим сообществом, – бубнит в моей голове Первый, – что за двести с лишним лет после запуска зондов у нас никаких подвижек не появилось. Хоть бы Ма'с колонизировали, так нет же: одной ст'ане такое п'ове'нуть – неподъёмно, да и д'угие из зависти не позволят. А вместе п'ог'амму о'ганизовать – т'и ха-ха! Спасибо, хоть не повз'ывали д'уг д'уга, тупоумные в'еменщики». Второй поддакивает: «Увидят пришельцы, какие мы сла-абые, какая Земля у нас привлека-ательная, и быстренько уничто-ожат челове-ечество». Я молчу. Что тут скажешь?

– А может, они хотят подарить нам какую-нибудь полезную технологию, – гнёт своё Абега. – Средство от всех болезней или супердвигатель.

– С чего это им, спрашивается, быть такими добренькими? – возражает американка. – Кому выгодно растить себе конкурентов? Нет, говорю вам как сенсопрактик, они явно собираются нас исследовать, и наверняка самыми бесчеловечными методами. Хорошо, что астральное тело у меня в цельном коконе. Но и блокатор фертильности я на всякий случай поставила. Хотя если пришельцы решат нас размножить, то при их технологиях это будет несложно. Клонировать или ещё как-нибудь воссоздадут из того, что останется после экспериментов.

Я уже понял, кто тут видит свет в конце туннеля, а кто – летящий навстречу поезд. Слушаю, запоминаю, сам не высовываюсь: мы своё мнение иметь не приучены.

– Мадемуазель, вы сгущаете краски. Может быть, они хотят от нас помощи или совета. Столкнулись с ситуацией, которая для них неразрешима, а в нашей истории повторялась сплошь и рядом...

– А ты, брат Йон, у нас прямо знаток истории!

– Пардон, я попросил бы! Историю Японии я знаю прилично.

– Тогда целенаправленно требовали бы историков, социологов, психологов, кого там ещё.

В лучшем случае сдадут нас в тамошний зоопарк, говорю вам.

Тут уж я решаю вмешаться:

– Земляне-земляки! Давайте, о чём-нибудь поприятнее, а? Успеешь ещё, Лесли, ужасы посмаковать, если они и впрямь нас ждут. А если всё-таки домой вернёмся, что делать будешь?

Краснокожая хмыкает, недовольно поводит плечами.

– На премию от государства организую центр для сенсоретиков. Там сенсопрактики будут читать лекции, чтобы пробудить в людях скрытые способности к управлению реальностью с помощью тонких энергий.

Стараюсь не подкатывать глаза.

– Понятненько. А ты, Йон?

– Если средства позволят, арендую остров, соберу там потомков великой японской нации и буду с ними строить аутентичное общество в традициях XIX века. Для возрождения нам потребуется лет около пятидесяти. Ядро общины может включать всего человек двадцать, потом к нам примкнут новые последователи. У меня и смета готова, и план примерный есть... столько задумок! А ты, Дэшэн, о чём мечтаешь?

– О-о, я хочу свою линию кроссовок. Космических, не хухры тебе мухры! «Щёкин дэ юньдунсье»! Или даже, если пробью, кооперативчик состряпать бы. И женюсь, а то как же. Наверняка мне, как межпланетному герою, дадут грант на продление рода. Вот заживу-то! Хочешь, сына Йоном назову? – расчувствовался я.

«Вы все мыслите мелко и эгоистично! – вклинивается без спросу Первый. – Тепе'ь, когда наша Земля знает, наконец, что она не одна во Вселенной, надо покончить с межгосударственными конфликтами, соб'ать все 'есу'сы планеты и б'осить на исследования. Холодная война, железный занавес – всё это уже было. Исто'ия движется по спи'али, повто'яясь на новом у'овне. И вот, наконец, нам выпал шанс вы'ваться из по'очного к'уга. Только п'едставьте, – горячится он, – чего могло бы добиться человечество, если бы мате'иальную, интеллектуальную и духовную силу нап'авило не на бессмысленную г'ызню, личную ко'ысть и бесполезную 'оскошь в быту типа этих кресел, а на 'азвитие и сове'шенствование?.. Хотя пе'ед кем я 'аспаляюсь, это же человек, воспитанный на комиксопедии...»

«Эй, поле-егче, колле-ега! – обижается Второй. – Я один из её постоя-анных а-авторов!»

Не знал, вот за это уважуха! Хочешь, на твои публикации подпишусь? Эй, стоп, стоп! Прекратить дебош в моем мозгу!

Так вот и летим. Все наши склоки описывать – что стакан риса рассыпать и на карачках по зёрнышку собирать. Но и мирных минут тоже в достатке. Сидим себе, бывалоча, такие чинные

в кают-компании. Лесли на терменвоксе раритетном играет, а мы с Йоном соревнуемся: он мне фактик про Японию свою ненаглядную, а я ему из комиксопедии, в обраточку. Жулит, думаю, шельма: наверняка ему умники подсказывают, – но на этот случай у меня свои умники есть. Да и суть-то не в том, кто больше назовёт, а в том, чтобы посидеть тихо, приятно и, понимаешь, с пользой. Однако ж сколько шнурочку ни виться, а эглет на него насадят.

Прилетели. Ура, что ли?

Выходим, значит, из квартирки. За дверью приёмная богаче, чем у заводского парторга. Всё вылизано, блестит, аж глазам больно. Везде природный камень, дерево, за стойкой натуральная девушка, не голограмма. Кроме шуток, просто земная девушка. Ладненькая такая, в строгом костюмчике, пупок почти прикрыт.

– А где пришельцы? – вырывается у Лесли.

– Вы же у нас, мадемуазель, специалист по астральному и метафизическому. Прощупайте же тут всё, – советует Йон.

Я молчу. Но подвох чую. Что чуют-то, когда он налицо?

Секретарша лупает глазками безмятежно так:

– Вас ждут в конференц-зале, прошу направо.

Как скажете, направо – так направо.

В конференц-зале с широким окном в ту же «ба`хатно иск`ящуюся че`ноту» сидит крупный такой дядя в очочках. Указывает нам на кресла-мультиформ. Те сразу давай массаж делать, отвлекают очень.

– Вы, я вижу, удивлены, уважаемые земляне?

Фыркаю. Но потом вспоминаю, что я «азведчик». Делаю морду кедой.

– Можете задавать вопросы, – разрешает, значит.

– Где мы? Где инопланетяне? Зачем нас мариновали в этом звездолёте тысячу лет? – кипятится дочь команчей.

– Как вам интерьер вашего корабля, кстати? Аутентичный, высший сорт. Это точная копия квартиры 27 по адресу Солнечная система, Земля, СРП, Московская Провинция, город Королёв, улица Кун Цзы, дом 5. – Ухмыляется, ишь, капиталист вшивый. – Итак, по порядку. Вы на одной из наших транзитных баз. Естественно, точные координаты указывать не буду. Инопланетяне – это мы. Всё вокруг вас – иллюзия, созданная ради вашей хрупкой психики и нашей сугубой прихоти.

Совершенно по-человечески закинув ногу на ногу, чужак продолжает:

– Зачем вы здесь... Видите ли, проект «Терра» при прежнем руководстве Межпланетного бизнес-конгломерата приносил стабильную, но довольно скромную прибыль. Четыреста земных лет назад председателем Совета директоров был избран я, и мне захотелось придать новых сил этой проверенной, но уставшей рабочей лошадке. А вы, уважаемые послы, сделали участниками очередного ребрендинга.

– Я ничего не понимаю, – тихонько говорит Лесли.

– Всё просто. Для повышения интереса зрителей мы включили в проект «Терра» новый фактор – Галактическую цивилизацию. Ваше путешествие на звездолёте стало основой для игры с тремя уровнями восприятия «Вежливое противостояние». Вашим учёным спутникам отдельная благодарность, их роли добавили вишенку на макушку этого интерактивного торта.

Прямо чувствую, как отвисает челюсть.

– Заварушку на Земле мы транслировали в виде реалити-шоу во все ближайшие системы. Страсти, эмоции, интриги выше всяких похвал. Уже с первых серий оно уверенно держится в топах комедийных рейтингов, чего с земными программами не случалось со времен Третьей мировой. Та долго считалась лучшим многоперсонажным ситкомом с выбором фокального героя. Не побоюсь показаться нескромным, но эта война (идея которой была предложена Совету директоров лично мной) была гениальным ходом для привлечения аудитории.

– Так вы, нелюди поганые, крутите тут, вертите, а мы там кровь проливаем?! – наконец доходит до меня. – И публика довольна?! Чтоб вас всех в консервы перемолотло, мрази вы подлючие!

Йон издает сдавленный рык. Я пытаюсь вскочить, но кресло, моль его искромсай, крепко в меня вцепилось. Как бы не переварило, что твоё биоблюдо. От прищельческой мебели всего можно ждать.

– Не надо грубостей. Могли бы и спасибо сказать. Ведь это мы на вашу убогую планетку жизнь занесли. Управляемая панспермия, знаете ли. Правда, на деле не управление имело место, а скорее, преступная халатность, но здесь мы без претензий: мы свой кошт с этого поимели. И продолжаем иметь. Под моим руководством Земля превратилась в превосходный, многопрофильный бизнес.

Так бы и вломил ему, аж дышать тяжело от злости. Краем глаза вижу: Йон тоже вырывается из поганого кресла, а Лесли сжимает и разжимает кулаки.

– Посудите сами: медиапродукция (сериалы, шоу, игры) – раз. Туризм по местам съёмки – два. Лучшие магмовые бани в этом секторе Галактики – три. Сафари на компактных тарелках – четыре. Вдобавок, большую часть вашей планеты мы сдаём в аренду под полигоны и социально-исторические эксперименты.

– Зачем вы нам всё это говорите? – шепчет американка так, будто враз осипла.

– Затем, голубушка, чтобы вы вернулись домой и рассказали своим правительствам. Люди достаточно глупы, чтобы не представлять опасности, но достаточно умны, чтобы признавать свое ничтожество и копошением вызывать у аудитории интерес, так что рейтинги будут просто космические!

Хочется метаться и реветь, что твой шнуровальный дрон. Но Умник Первый талдычит: «Спокойствие: ты представляешь всё человечество! Веди себя достойно, а не как пещерный дикарь, за которого тебя тут дежат!»

– Собственно, ваше присутствие здесь больше не требуется. Можете отправляться в свой мир с новостями. Хотя погодите, давайте вот что... —Председатель, инопланетные бесы его дери, задумывается на миг. – Зная вашу трудную ситуацию с перенаселением и желая сделать жест доброй воли для тех, кто ежедневно приносит нам колоссальный доход, предлагаю вам взять в ипотеку необитаемую планету на выгодных условиях. Всего две трети тонких жизненных энергий тех, кто туда эмигрирует, и планета ваша. Ежегодная процентная ставка смешотворно низкая: 15 %. Планетка – загляденье, даже с вашими жалкими технологиями её нетрудно будет терраформировать.

Лесли едва не плачет, на тонкие энергии и ухом не повела, поди ж ты. Йон, вот уж кто настоящий самурай и посол Родины, находит для этого выродка ответ:

– Мсьё, не имел чести быть представленным. Я уполномочен заявить, что мы пришли с миром от имени всего человечества. Мы считаем недопустимой подобную эксплуатацию населения и ресурсов Земли и готовы подать жалобы в соответствующие инстанции. Что касается вашего предложения, мы не имеем права обсуждать ипотечные договоры и что-либо подписывать без санкций с Земли.

– Жалобы, инстанции, не смешите! Земля – собственность Конгломерата по праву инициирования жизни. Подписи, санкции. По нашим нормам для скрепления ипотечного контракта достаточно желания хотя бы одного из вас. Притом даже невысказанного. Ну да ладно, воля ваша. В таком случае, не смею задерживать. На выходе не забудьте взять буклетики. В них представлена подборка выгоднейших рекламных акций текущего миллениума.

Инопланетное чудище, чашку соли ему без заливки, поднимается, оскалившись. Кресла отпускают нас с Йоном. Выходим такие из конференц-зала, будто нас в помойку окунули. Лесли на автомате берёт в приёмной буклет, морщится, бросает в урну. Я беру другой, сую в карман: привычка же. Мало ли, пригодится.

Секретарша чирик-чирик нам вдогонку:

– Ожидаемое время в пути составит около двух с половиной земных часов. Желаем приятного полёта. Спасибо, что выбрали «Терра-тур». Ждём вас снова!

Вот тебе и весь сказ. Принимай, Родина, первых космических послов!

Полчаса летим, как мешком огреты. Только Умник Первый просит меня заглянуть в санузел, чтобы прикинуть, вишь ты, скорость нашего движения.

Потом молчать становится невтерпёж.

– Да-а-а, не о том мечтал Гагарин...

– Кто это? – спрашивает Лесли равнодушно.

– «Кто это?» – передразниваю. – Армстронга, небось, знаешь.

– Я знаю, – отзывается Йон без огонька. – Люблю чёрную классику.

Слышно, как тикают часы, страшненький такой кислотно-жёлтый заяц. Интересно, они идут точь-в-точь как те, что по улице Кун Цзы, дом 5?

– А что он говорил про панспермию?

– Помнишь, мы с Йоном играли как-то? Я говорил, что ДНК человека и банана совпадают на 50 %, вона что.

– Ну и?.. Значит, из двух бананов при желании можно сделать одного человека?

Умники фыркают. Вот женская логика! Вроде, разумно, но как криво!

– Да нет. На Земле у всего, что ни есть живого, один, этот самый, генетический код. Поэтому учёные, значит, думают, что жизнь возникла из одного источника. Попала к нам из космоса. Что же, выходит, мы этим нелюдям проклятым всем обязаны?

– После того, что они с нами сделали и делают, они сами нам обязаны, и с процентами! – вспыхивает африканец.

«Подде’живаю!»

– У меня предложение, – загорается Лесли. – Если нашим учёным удалось что-то выяснить, пока мы были на транзитной базе, я тоже расскажу о своих ощущениях. Вместе примерно определим, что эти подлюки такое и где их искать.

– Ага, – подхватываю я, – наши умники уломят начальство замириться. Да если объединить Союз, Коалицию и Эмираты, мы этим тварям зелёным так навалием, что ты! Зарекутся махинировать, язви их в душу!

– Я всецело «за», но ведь инопланетники, пардон, только и хотят, чтобы земляне начали «копошиться» для увеселения толпы? Кроме того, искать врага по всей Галактике на основе тонких энергий и шатких научных догадок кажется ненадёжным, – говорит Йон осторожно.

Тут я такой с отяжечкой – хлоп! – выкладываю на колченогий стол буклетик из приёмной.

– Вот, захватил с собой. Тут обещанные суперпредложения миллениума. Мало того, все контакты и адреса тоже подробно указаны, ей-ей! – Улыбаюсь злорадно. – Что хотят, то и получают. И чтобы потом без претензий!

Умники в голове галдят, как вороны-мутанты над свалкой. Йон блесит зубами, Лесли потирает изящные руки, в которых так и представляется индейский их топор.

...Так Земля снова «встала на путь совершенствования», и во весь дух рванула к «топам комедийных рейтингов» Галактики.

Сама себя пишет

Стасыч объявился, как всегда, неожиданно и, как всегда, очень кстати. Пригласил в бургерную. Сразу перешёл к делу.

– Лисэн, бро, – начал он с безупречным нижегородским акцентом, – вроде, ты хотел подработку, райт?

Стасыч всячески старается выглядеть угрожающе, но с его комплекцией «а-ля дрыщ» это весьма затруднительно. Поэтому он компенсирует стилем общения мелкотравчатого гангстера.

– Всё правильно, – признаю я.

С заказами вообще порожняк. Кто-то жалуется на конкуренцию в мире фриланса, кто-то поминает кризис. У нас всегда кризис. Проблему надо в себе искать. Давно уже чую, что неправильно выбрал стезю – переводить с немецкого и репетиторством подрабатывать.

– Короч, диг зис. Есть у меня клиент, биг босс. Тут, значит, книгу решил написать, фэшон у них такой. Только не сам, а субконтракт, понял, да? Ну тот, короч, пассажир, который за работу взялся, типа писатель, помыкался месяц и кинул.

Стасыч громко зарокотал, собирая слюну погуще. Потом решил, что в кафе плевать всё же нехорошо, и вместо этого хлебнул отвратительной бурой газировки. Воспитанный мальчик.

– Вэлл, дэдлайн на носу, мы к этому: «Уозап, бро»? А у него какие-то голимые отмазы, крэйзи стафф. Типа, я творческая личность, у меня есть принципы и чувство прекрасного... В общем, надо эту книгу кому-то дописать, эз сун эз POSSIBL, андэстэнд? Тут я сразу тебя вспомнил, стенгазетки твои, этсетра.

Надо сказать, для человека, учившего язык по низкопробным боевикам, у Стасыча вполне неплохой словарный запас. У меня туго с английским, так что половину его оборотов не понимаю, но общий смысл ясен.

– Ты мне чётко скажи, – попросил я, – какой срок, какой объём, какая плата, какие требования. Я за такое ни разу ещё не брался.

– Чётко так чётко, – щелясто заулыбался Стасыч. – У меня тут волшебная бумажка есть. Инстракшн.

Он достал несколько замызганных альбомных листочков. Они были довольно плотно исписаны от руки. Небрежно, будто бы для себя.

– Значт, лук. Изипизи. Смотрел «Пятый элемент»?

– Ессно. Пересматриваю раз в полгода.

– Ну вот, типа того замут. Надо спасти мир, а то всем кобзон придёт. Погони, перестрелки, любовь, юмор. Клайент хочет, чтоб было в духе этого, Роберта Шлеки.

– Шекли, – невольно поправил я.

– Да хоть Де Ниро. Ты-то понял. Чтобы искали, значит, камни, или что там у него. Чтоб вроде всё собрали, ура, победа, но потом в последний момент хватились одного камушка – а нету. И чепец всему. А почему? Симпл! У героини малец двухлетний этот камушек втихую стянул и в стиралку спрятал. Всё! Оч просто, зэ стори райтс итсэлф, сама себя пишет.

– Неплохо-неплохо! – Я даже заинтересовался. – Пожалуй, возьмусь.

– Ну и гуд. Вот тебе флэшка. Тут сканы рукописных листов и ещё в вордах всё, что на листах, перепечатано, если вдруг почерк непонятный. Там, значит, про героев, по пунктам история и первые несколько страниц книги – это биг босс хочет, чтобы ты его манеру передал. Ну и то, что тот пассажир накопал, андэстэнд?

– Оф кос, – блеснул я знаниями. – А вот это что за цифры? – спросил я, заглядывая в один из листочков, которые Стасыч уже собрался спрятать.

– Это гонорар. В баксах, нэчуралли.

Я постарался сохранить надлежащий при деловых переговорах покерфейс. Но сумма очень и очень приличная.

– Мой босс с тобой свяжется ещё, можешь поторговаться немного, мужик вэлл-офф, не облезет. Только ему надо к первому июня край.

– Понятно, – ровно проговорил я. – А какой объём готовой работы?

– Я ноу факин айдиа, что это значит, но клайент сказал, не меньше пятнадцати авторских листов. В курсе, что за стафф?

– Знаю, – кивнул я. – Не лыком шит, факин щит.

– Ну и экселлент. Вот договорчик, почитай, помозгуй, сайн хиэ. – Он ткнул неровным ногтем в строчку для подписи. – И всё, вечером тебе позвонят.

* * *

Вечером действительно позвонили. Весьма интеллигентный дядя общался со мной ласково, как с любимым племянником и крёстным сыном по совместительству. Голос был смутно знакомый: видимо, биг босс часто мелькает в новостях. Я позадал умные вопросы по делу, обсудил с ним и героев, и сюжет, и манеру. Потом немного поторговались, сошлись на ещё более соблазнительной сумме. В конце мой собеседник поблагодарил, пожелал успехов в работе и ещё раз подчеркнул важность сдачи в нужном объёме и к сроку.

Довольный переговорами, я включил ноут. Мне всегда удобнее работать ночью и под любимую музыку. Налил себе чаю с мёдом и мороженой клюквой, уселся поудобнее, врубил последний альбом металлических финнов и принялся разбираться.

Для начала распечатал себе сканы листов. Красной ручкой нарисовал стаю галочек и крестиков, испещрил страницы стрелками и кружочками. Потом вчитался в манеру биг босса. Маркером выделил словечки, отметил интонацию и порядок слов, чуть не заучил наизусть. К часу ночи с языком автора уже почти сроднился.

Потом открыл документ с творчеством ненадёжного пассажира. Ну, кошмар, конечно. Ошибки ладно, это легко редачится. Первые две главы – ничего, даже с проблесками. Но дальше стиль такой, будто человек ничего, кроме рекламы по региональному ТВ, не смотрел и ничего, кроме состава освежителя воздуха, не читал. И это писатель?

В середине третьей главы шёл обрыв, и продолжение явственно намекало, будто работать пассажир сел с большого бодуна. К пятой главе чувствовался нарастающий психоз, и финальным аккордом – остановка на полуслове и страница нечитаемой абракадабры, словно прежний литнегр от злости и творческой импотенции стучал кулаками по клавиатуре. Или бился об неё головой.

Прихлёбывая чай, я удалил полтекста, не глядя. Рубить – так с плеча. Первые две главы причесал, привёл в божеский вид. Полюбовался своей работой, налил ещё чаю. До утра на одном дыхании написал страниц двенадцать, словно нашёптывал кто. Действительно, «изипизи, стори райтс итсэлф».

На следующий вечер перечитал. Вроде, бойко, вроде, и на Шекли отдалённо похоже, и строго по сюжету, и манера соблюдена неукоснительно... но как-то пресно, что ли? Описания слабые, сравнения тривиальные.

Я размял пальцы, покумекал. Попробовал переписать – не идёт. Казалось бы, мелочи, типа «её небесно-голубые глаза». Нашёл пять более оригинальных вариантов. Напечатал – стёр. Напечатал – стёр. Плюнул, оставил небесно-голубые.

Потом герой спасается бегством через канализацию. Ну уж такой заезженный ход, дальше некуда. Посмотрел в план, начертанный рукой биг босса. Точных указаний на маршрут героя нет, да и сцена второстепенная, ни на что в дальнейшем влиять не будет. Уберём канализацию. Предложим герою побриться налысо, замотаться в ярко-оранжевую занавеску, взять большое блюдо и пойти на людную площадь собирать пожертвования на строительство кришнаитского храма. А в это время напарник по его наводке пусть красиво отстреливает преследователей. Тоже не самый редкий приём, но уже хоть что-то. Написал три абзаца по новой схеме. Будто кто-то за руку хватает и талдычит: «Верни, верни канализацию!»

В самый разгар творческих метаний зазвонил мобильник. Всё тот же интеллигентный дядя спросил, как успехи. Я сказал, как есть, что хотел бы заменить несколько оборотов и пару сюжетных ходов. Обосновал, предложил варианты.

– Голубчик, не надо лишней суеты. Оставьте, как было, это идеально передаёт мою манеру письма.

– Но как же оригинальность?..

– Мне, как автору, уж простите, виднее, – мягко, с улыбочкой произнёс голос. – Не нужно идти на конфликт из-за мелочей. Вас ведь устраивает позиция моего секретаря? Ни в коем случае не хотелось бы вас неволить.

По договору я числился секретарём, под диктовку записывающим роман Заказчика. То, что он при этом не присутствует, – вполне закономерно: человек занятой.

Я насусленно молчал. Биг босс усмехнулся.

– Давайте вот как сделаем. Ваши контакты у нас есть. Мой помощник создаст электронный ящик и пришлёт вам с него письмо. В отдельном файле сохраняйте все свои вопросы по языку и сюжету, а когда накопится, ну, скажем, штук пятьдесят, отправьте на этот ящик. У меня расписание достаточно плотное, но в течение двух-трёх дней найду время и отвечу по пунктам.

Я согласился и продолжил строчить, теперь уже составляя небольшой удобный список. Манера автора упорно подсказывала расхожие приёмы и навязшие в зубах сравнения, но теперь меня это не сильно волновало. Я предлагаю варианты, если отвергаете – ваше дело. Моя совесть чиста.

Через неделю полетело первое письмо. Ответ пришёл не сразу. Безукоризненно вежливый, но без особых сюрпризов. С парой мелочей заказчик согласился, остальное царственно завизировал: «оставьте».

А работа шла споро. Вот уже и артефакты копятся у героини на полочке для спортивных трофеев, и главный злодей напал на след инопланетного связного, помогавшего раздобыть координаты затерянной планеты, и романтическая линия наклёвывалась (заштампованная, как письмо, неправильно рассортированное на почте России и отправленное через Оттаву в Сингапур).

Тихий интеллигентный голосок в моей голове исправно диктовал историю, которая действительно писала сама себя. Иногда, конечно, взыгрывало ретивое, хотелось идти наперекор, хотелось стереть эту бездарщину к едрене фене и написать всё как полагается. Но тогда я аккуратно отставлял от себя ноутбук и устраивал выходной: кинчик, немного пивка, сушёные кальмары. На следующий вечер, выдавив по капле из себя творца, снова садился за работу. Представлял, что перевожу очередную не шибко умную книжку с немецкого. Как известно, «переводчик в прозе – раб». За приведение книги в божеский вид никто не доплатит, так что надо просто побыстрее закончить, получить денежку и забыть. Бедняга тот пассажир, у которого «есть принципы и чувство прекрасного». Понятно, почему он слился.

В общем, роман я сдал даже чуть раньше срока, за что получил весомый бонус. Очень скоро книга вышла в печать, и у меня глаза на лоб полезли при виде фамилии автора. Вот так вот! Даже высшим партийным функционерам ничто человеческое не чуждо. И бесовское тоже, раз у них книги сами собой нащёптываются...

Недавно, кстати, дядя снова позвонил. Хочет продолжение писать, хороший секретарь нужен позарез. Я согласился. А что, я же посредственная личность, у меня нет особых принципов и чувство прекрасного не обострено.

Да и денежка нужна.

В сетях

I. Две странички

Марина Николаевна носила устойчивые каблук и ни на кого конкретно не нацеленную улыбку. Для своих сорока шести она выглядела очень достойно, разве что слегка пополнила и накопила морщин. Как всегда, уверенной чёткой походкой она шагала после работы домой, но погода была настолько замечательна, что Марина Николаевна решила сделать крюк и пройтись по парку, отметить мороженым и кругом почёта успешную защиту своего дипломника.

Девушка в ларьке нехотя оторвалась от дешёвенького телефона, чтобы отпустить товар, и преподавательница чуть наморщила нос: оранжевый цвет странички на экране выдавал в про-

давищице однокашницу. С лёгкой брезгливостью Марина Николаевна расплатилась и пообещала себе больше не покупать в первом попавшемся ларьке. Она была мнительна и не доверяла тем, кого не могла зафрендить.

Деликатно откусывая заиндевшее эскимо, всё тем же уверенным шагом Марина Николаевна мерила круговую аллею парка. Открыла свою страничку «Фейс-ту-Фейс» на изнанке линз и принялась просматривать новости: всегда любила быть в курсе последних событий и просто прогулку без дополнительных занятий считала тратой времени.

Она как раз лайкнула новость о втором браке некогда близкой подруги, но вдруг что-то оторвало её от дел сетевых. Странно: обычно реал был всего лишь фоном и не мешал общению в Эф-Эф. Марина Николаевна машинально выбросила в урну палочку от эскимо и включила режим полной прозрачности на своих нет-линзах. Тут она поняла, что удивило и отвлекло её.

На лавочке неподалёку сидела молодая мама с задумчивым взглядом погружённой сетевички. Тонкой незагорелой рукой она покачивала дорожную коляску последней модели. Синюю коляску. Преподавательница моргнула, сделав фотографию. Хотела уже цокнуть языком и запостить эту вопиющую новость, как вдруг узнала молодую маму: лет пять или шесть назад она училась у Марины Николаевны. У них был конфликт на почве убеждений, и женщина тогда даже повесила на «стене» у ректора гневную запись, что не раз просила в её группы набирать студентов только из «Фейс-ту-Фейс». Но, ясное дело, протест проигнорировали. Может, и правильно. Настороженность и лёгкую враждебность девочки вполне можно было понять: у связистки любой эф-эфовец будет вызывать недоверие, и она просто боялась предвзятости преподавательницы из чужой сети. Тем не менее, всё разрешилось благополучно. Они сработались и даже подружились, насколько это вообще возможно при такой разности убеждений.

Профессиональная память подсказала Марине Николаевне имя бывшей студентки.

– Люда, здравствуйте!

Молодая мама качнула головой, переходя на прозрачность, и улыбнулась с лёгким недоумением. Ну конечно, у неё же нет профессиональной памяти. Кто не в списке друзей, тот вне её мира.

– Я Марина Николаевна, вела у вас историю искусств, помните? – подсказала преподавательница, присаживаясь рядом.

– Марина Николаевна, как я рада вас видеть! – засияла Люда прекрасными ровными зубами. – Как вы поживаете?

– Потихоньку, там же преподаю. А у вас, я смотрю, всё здорово изменилось с нашей последней встречи?

Бывшая студентка бросила нежный взгляд в подсвеченную глубь коляски, повертела кольцо на безымянном пальце.

– Да, у меня муж и сынок Артёмка.

– Как приятно видеть, что у вас так хорошо всё устроилось! А вы его уже зарегистрировали? – привычный вопрос сорвался с языка раньше мысли, и женщина не успела его удержать.

– Естественно, мы же ответственные родители. Зарегистрили ещё до рождения. Мы с мужем хотели, чтобы он пришёл в этот мир, уже имея друзей и подписчиков. Могу кинуть вам ссылки... – Люда осеклась, видимо, вспомнив о давнем конфликте, и сияние зубов на миг померкло.

– Ссылки? – переспросила Марина Николаевна и опять мысленно прокляла свой бескостный язык и неуёмное любопытство.

– Ну да. У Артёмки две странички: в «Однокашниках» и «На связи», – пожала плечами молодая мама, как будто это было что-то само собой разумеющееся.

– Значит ли это... – поняв, что терять уже нечего (столько бестактностей налепила за минуту!), осторожно начала преподавательница, – что вы с мужем... разных убеждений?

– Да, – с готовностью кивнула Люда.

– Но как же вы нашли друг друга?

– О, это было невероятно! Так романтично, будто в прошлом веке. В реале, представляете? Мы стояли на остановке... а давайте я кину вам ссылку, на моей странице эта история описана подробно!

Люда сложила губы трубочкой и выдохнула, и Марине Николаевне ничего не оставалось, как только вежливо принять данные.

– Если честно, меня ошарашил цвет коляски, а теперь я понимаю...

– Ничего, многие удивляются, спрашивают. Но мы с мужем решили, что Артёмка должен подрасти и выбрать свою сеть сам.

Марина Николаевна пробормотала что-то учтиво-согласное, отчаянно ища, куда бы увести разговор.

– А вы часто гуляете тут с Артёмом?

– Нет, вообще-то мы здесь почти не бываем. Просто сегодня встречаюсь с подругой, она живёт недалеко. А, вон она, кстати! Видите, там, в красной блузке?

Женщина заметила красную блузку в конце лучевой аллеи и, с некоторым облегчением, подумала, что теперь можно откланяться без неуклюжестей. Она поднялась с лавочки, заглянула в коляску. Малыш в оранжево-синем костюмчике счастливо пускал пузыри. Увидев новое лицо, он загукал, ткнул кулачком в сенсорный экран перед собой и щелчком языка отправил фотографию маминой знакомой в обе сети.

– У вас очень милый малыш, Люда, – улыбнулась Марина Николаевна.

– У детей в его возрасте заполнено в среднем тринадцать процентов страницы, а у Артёмки – шестнадцать! В обеих сетях! – гордо сказала мать.

– Удивительно... Ну что же, пойду, пожалуй. Не буду мешать вам с подругой. Очень приятно было вас встретить! Всего хорошего!

– Взаимно, Марина Николаевна! – Люда встала, на миг прижалась щекой к её щеке. – Будем На Связи! – попрощалась она лозунгом своей сети.

Преподавательница кивнула и ушла, чеканя шаг. Вышла из режима прозрачности, несколько секунд поколебалась. Потом удалила три ссылки от бывшей студентки, а с ними и фотографию дорогой коляски странной расцветки. Она знала, что если и свяжется снова с Людой, то только Лицом-к-Лицу.

II. Тайм-менеджмент

Виталик с трудом вынырнул из рабочей сети. С хрустом разогнулся, пару раз присел – без особого энтузиазма, на автомате. Краем глаза заметил движение и вздрогнул от неожиданности.

– Фух, Люда, напугала! – облегчённо улыбнулся Виталик жене, но тут же понял: сейчас грянет.

Люда была чернее тучи, под глазами мешки: годовалый Артёмка очень плохо спал всю неделю, и ей изрядно доставалось. Понятное дело: ребёнка растить – не торрент залить.

– Милая, ты бы отдохнула, – осторожно, как на тестовом задании, начал он.

– Я бы отдохнула!... – кричащим шёпотом прошипела жена. – Я бы с удовольствием отдохнула!

И разрыдалась.

«Ну вот», – подумал Виталик, прижимая растрёпанную супругу к груди. Та отбрыкивалась, но больше по женской извилистой замудрённости, чем из желания вырваться.

Первые минут пять он с должным тщанием утешал и гладил по спине. Потом не удержался, наморщил нос, выводя на нет-линзы окна личной почты, мессенджеров и, конечно, «Одноклассников». Проглядел список сообщений, подмигнул, проставив пару лайков. Всё же пристыдил себя и свернул браузер.

К этому моменту всхлипы перешли в членораздельные жалобы.

– Я знаю, что ты работаешь, семью обеспечиваешь, но и меня пойми! Ты на целый день воткнёшься, а я тут кручусь, как значок обновления софта! Артёмка своего папу только в друзьях и видит! И то в офлайне...

Виталик подавил желание оправдаться: сейчас жена и слушать не будет про новый сложный проект, про возможное сотрудничество (если удастся себя зарекомендовать) с крупным разработчиком систем бухучёта, про то, какая прорва фрилансеров ждёт первой возможности отпихнуть собрата от кормушки... Сейчас Люда хочет слышать только свой голос и виноватое сопение мужа. «Ну что ж, это её право. Побуду жилеткой».

– Стиралку включи, сушилку включи, гладилку включи! Робот-пылесос включи, пароварку включи, за всем проследи! Артёмку помой и переодень, накорми и развлеки! – перечисляла Люда, временами срываясь на сдавленный писк. – Вообще нет времени на себя! Ты помнишь, какой я была до рождения ребёнка?

– Ты ничуть не изменилась! – догадливо вставил Виталик, честно глядя в покрасневшие глаза супруги. – Даже похорошела! Тебе идёт материнство.

Люда всплеснула руками и снова начала демонстративно вырываться. Виталик её снова удержал.

– Я не о том! Я вела два видеоблога! У меня были десятки тысяч фолловеров! На меня было подписано пять медиаличностей! Они даже меня комментировали... Моя страничка в «На Связи» в позапрошлом году попала в сотню самых посещаемых! А теперь...

Жена на миг оборвала свой монолог, замерла, как сурикат, чувствующий опасность. Но нет, Артёмка в соседней комнате только немного повозился, не просыпаясь. Продолжила чуть спокойнее:

– А сейчас мои видеоблоги плесенью покрылись. Полгода ничего не могу выложить! Я ищачу на двух Артёмкиных страницах, я пощу статьи от его имени, я ищу лайкеров, я комментирую записи его френдов. И это притом, что я не однокашница ни разу, я связистка! – Люда с нажимом вытерла нос тыльной стороной ладони. – А что моя страница? Да от меня уже сокурсницы отписываются!..

– Ну милая... – мягко улыбнулся Виталик, – почему ты раньше не сказала?

– Я думала, это и так я-а-асно...

Новый фонтан слёз. Новые утешения и поглаживания.

– Я думала, пока ребёнок не может сам выбрать свою сеть, ты будешь вести его страницу в «Одноклассниках», а я в «На связи»! А ты свалил всё на меня-а-а...

И впрямь дурак. И впрямь свалил. Ну что ж, будет тебе, Виталик, наука.

– Малыш, ну не куксись. Я понял, принял, осознал. Ну прости меня. Ты права, а я неправ, – бормотал умный муж, исподволь запуская пальцы в Людины кудряшки. – Надо было сразу сказать. Мы так и сделаем. И у тебя освободится время на личную сетевую жизнь!

Солёный поток прекратился, светло-карие глаза любимой засветились победно и чуть лукаво.

– И-и-и?..

– И с меня сюрприз, естественно! – горячо пообещал муж, целуя Люду в ушко.

Та гладила щетинистые Виталиковы щёки и думала: «Ну и пусть он одноклассник, а я связистка! Всё же я тогда не ошиблась, что бы ни болтала родня! Главное, что он меня понимает, как никто. Главное, что он со мной в реале».

Артёмка захныкал, и пришлось бежать к нему. Но сынишка быстро утомился, и супруги пожертвовали энным временем сна ради дел сетевых – и реальных. Ведь даже если весь твой день принадлежит маленькому монарху, это значит только, что ночь – лично твоя!

III. Чуюло беду сердце материнское

Юлия Андреевна звонила дочери нечасто, боялась ненароком разбудить Артёмку. Но бездействовать уже не было сил.

– Доча, что происходит? – с места в карьер рванула маман. – Говори сейчас же, он что, другую нашёл?

– погоди, я на кухню уйду, – просипела Люда.

Прикрыла за собой дверь спальни, выдохнула, неслышно прокралась по короткому коридору мимо гостиной, где неотрывно работал Виталик.

На кухне устало опустилась на стул. Целый час Артёмку укладывала. Не так давно Люда открыла нерушимый закон материнства: чем дольше укладываешь, тем быстрее просыпается. Притом от малейшего шороха.

Хоть бы душ принять, а в идеале сварить компот, приготовить кашу на завтра, развесить бельё и немного потупить в «На связи». А тут мама со своими наездами... минус десять минут, если не полчаса.

Люда вздохнула и принялась мыть и резать яблоки. Дела никто не отменял, правильно? Говорить можно в процессе. А когда в руках нож, отвлекаться нельзя, так что в глаза дотошной маман смотреть необязательно.

– Доча, я жду!

– Ма, я устала. Артёмка температурит третий день...

– Ты не уходи от темы! Я давно за твоей страницей слежу! Вот чуюло беду сердце материнское! Почему Виталий не комментирует твои посты?!

На последнем слове маман издала такой пронзительный визг, что Люда аж подскочила. Хорошо, что пожилую фурию в модных очках сынишка не слышит.

– Ма, Виталик деньги зарабатывает.

Плюх! Тонкие яблочные дольки падают в чашу пароварки.

– У него ответственный проект.

Плюх!

– Нет времени комментить.

– Ладно бы, только не комментил! – негодовала Юлия Андреевна. – Но хоть лайк поставить родной жене руки не отсохнут! Я проверила. За прошлую неделю ни одного лайка от него на твои публикации!

Не в меру активная бабушка бурлила, словно вода для компота.

– Ты же знаешь, ма, он однокашник. Только недавно завёл страницу в «На связи». И то после долгих уговоров. Вряд ли он часто туда заходит... – мямлила Люда, горстями плюхая в кипяток замороженную облепиху.

– Не юли! – Мисс Марпл местного разлива погрозила наманикюренным ногтем. – Артёмкины посты он лайкает и комментит в обеих сетях! И кстати, твоих лайков я у Виталия тоже давно не вижу! Мать не проведёшь, мать у тебя ого-го! Я не вилкой суши ела, у меня хватает мозгов и в «Однокашниках» ваших мерзких зарегистрироваться! Отвечай, что у вас произошло!

Люда захлопнула пароварку, убежала в ванную и позорно разревелась. Развешивая бельё, которое полдня ждало её внимания, хозяйка вывалила всё, как есть. Обычное для молодых семей дело: постирала его свитер не на том режиме, свитер сел, ах ты такая, ах ты такой, да ты вообще готовить не умеешь, да на море мы не были с тех пор, как я забеременела... ну и вылилось по ушату дерьма на обе головы. И началась распроклятая игра в молчанку.

Вытирая красные глаза, Люда уже жалела о такой откровенности. Они-то с Виталиком помирятся (наверное), а вот маман запомнит и не раз припомнит этот разговор, эти слёзы, и то, что негодящий зять (к тому же, однокашник) кровиночку любимую обижает и тиранит.

Но с другой стороны, кому ещё пожаловаться? Подруги все незамужние, не родившие, до них не дозвониться и в гости не дозваться. У них свои интересы. А в сетях надо постить только позитив, ведь их просматривают и при приёме в школу, и при отборе в вузы, и дальше, и дальше. Хочешь ребёнку достойное будущее – вкладывай в его страницу, как в свою. И в свою тоже вкладывай.

– Ма, это всё мелочи, быт. У всех бывает...

Юлия Андреевна мысленно похвалила себя за проницательность и своевременное вмешательство.

– Не удивляюсь. Давно подобного ждала. Эх, упустила я что-то в твоём воспитании, доча. Не привила любовь к готовке и порядку... Да в добавок ты за собой не следишь...

Люда опешила. «За собой не следишь»! Вы, мама, детей вырастили и живёте в своё удовольствие! Фитнес, спа и маникюр! Очки вон какие купили! А я тут ишачу, всюду с коляской, ни минуты на себя! Но вслух, конечно, примерная доча этого не сказала. «Почитай мать твою» и всё такое...

– ...а к Виталию в друзья, поди, толпы однокашниц-вертихвосток отретушированных стучатся. Мужчина с образованием, с профессией, при деньгах. Даром что не бреется по полгода...

Теперь Люда за Виталика обиделась. Ну не бреется, и что? Ему нравится, жена не против, какое ваше, мама, дело? Опять же, не высказала.

– Что сопишь? – продолжала маман. – Гадости какие думаешь? Так вот, послушай мать, я жизнь прожила! Артёмку на ноги ставить надо, так что хотя бы пару лет потерпи. В садик сына отдашь, а там как хочешь. Захочешь – разведёшься, отсудишь квартиру и машину. Будет твой Виталик небритый алименты платить, а ты нормального зятя мне найдёшь, из нашей сети...

Тут уже Люда не выдержала. Тихо свистнула и прервала вызов, не прощаясь. Да как ты смеешь, мама, лезть в мою жизнь и кошмарные советы мне тыкать?! Да откуда у тебя только мысли такие берутся, да как язык поворачивается? Да как ты надоела, всё за меня решать!

Решительно прекратив нюни разводить, Люда умылась, причесалась. Проскользнула в спальню, на ощупь достала красивое бельё – единственный комплект, налезавший на её послеродовую фигуру. Пшикнула капельку туалетной воды меж ключиц и задрапировалась.

Вошла в гостиную к мужу. Тот сидел, загипнотизированный делами виртуальными. Люда бесцеремонно сорвала с него очки. Виталик пробовал протестовать, но поперхнулся, едва охватив взором кружевную комбинацию, а нюхом – ароматную композицию.

– Если ты будешь на меня рычать и обижаться из-за пустяков, я... я... – начала Люда и запнулась, не зная, как продолжить.

Хлёсткие слова, так красиво выглядящие в популярных дамских пабликах, почему-то в реальной жизни сминались в неуклюжие комки. Хорошо, что муж попался умный и понял общую концепцию. Комбинацию и композицию.

Подожёл. Обнял. Пошептал на ушко, щекоча щетиной. И дальше было то, что принято вкладывать только в специализированных блогах.

А Юлия Андреевна ухмылялась себе под нос, барабанила маникюром по столу. Она не сомневалась, что завтра дочина страница расцветёт комментариями от Виталика. Со множеством смайликов-сердечек.

Сейчас её больше интересовало другое. На странице подруги детства, Полины, стало слишком много цветочков и слишком мало упоминаний о муже (наверняка опять в запое) и о старшем сыне-шалопое (наверняка институт бросил). Предвкушая очередное захватывающее расследование, не в меру активная бабушка нырнула в сеть.

16 апреля

16 апреля Дарья Петровна отмечала День смерти. Вставала в семь утра, одевалась во всё новое и чистое, покрывалась белейшим платочком и шла в церковь. Отстоит службу, исповеда-

ется, причастится. Потом домой, счастливая и довольная. Соберёт напечённые с вечера пироги с капустой – и на трамвайчике ко внуку в гости.

Его семья уже давно знала старушкину причуду. Когда-то давно потомственная гадалка Степанида предсказала Дарье Петровне: жить будешь долго, а смерть к тебе придёт 16 апреля. Та смеялась сначала, потом, годам к шестидесяти, стала верить, а с шестидесяти трёх – отмечать. В этом году в двадцатый раз. С лёгкими изменениями сценарий повторялся: церковь, ко внуку, с подружками встретиться и себя порадовать. Внук, погрубевший, ожиревший и обабившийся, относился ко Дню смерти равнодушно – чудит старая, со всеми бывает. Правнуки были ещё совсем маленькие и каждому бабушкиному приходу с пирогами искренне радовались. Их мать раздражалась и про себя думала: «Скорей бы уж сбылось предсказание».

В этот раз Дарья Петровна сидела у внука часа три. Рассказывала семейные истории, показывала фотографии с никому не знакомыми размытыми лицами прошлого века. Перед уходом как всегда напомнила, где лежит письмо, которое нужно вскрыть после её смерти, где одежда, платок, иконка, где «гробовые».

* * *

Смерть носилась над полем боя. Очередная война была в разгаре, жатва обильная. Безногая по-стахановски ударно орудовала косой, смотрела на часы, считала каждую секунду, что вообще-то крайне несолидно, сверялась со списками, но времени – времени, которое никогда раньше не имело власти над дамой в капюшоне, – постоянно не хватало.

– Безобразие. Я не укладываюсь в график, – бормотала смерть. – Совершенно невозможно работать.

* * *

В два часа дня Дарья Петровна собирала давнишних подружек в кафе. Болтали, смеялись, шутили про 16 апреля, с наигранной весёлостью повторяли, какой это чудесный повод встретиться. Сначала не верили в роковую дату, потом убеждались и плакали, потом фаталитично выпивали винца и продолжали шутить.

Около шести вечера Дарья Петровна вернулась домой. Включила любимое кино, прихлёбывала какао и ждала. Ей было не привыкать.

* * *

Смерть едва волочила ноги, разбираясь с жертвами авиакатастрофы. График у неё был расписан по секундам, бесконечные перечни поставленных в очередь простирались аж на четыре года вперёд, и с каждой досадной помехой, с каждой незапланированной кончиной – ожидающих приходилось откладывать на потом.

* * *

Надушившись любимыми духами, Дарья Петровна читала и поглядывала на часы. Неужели опять прокол? Без двух минут новый день, а смерти всё нет. И вдруг посреди комнаты явилась фигура в чёрном плаще с капюшоном.

– Ну наконец-то! Я тебя жду-жду! – воскликнула бабушка.

– Вот и я твоя пришла, – буркнула смерть. – Готова?

– Давно. Но вообще-то я думала, ты с косой.

– Тьфу ты!

Смерть исчезла. Дарья Петровна торопливо помолилась перед иконой, схватила расчёску, два раза провела по волосам, потом кинулась на кухню отключать все приборы. Потом сообразила, что надо позвонить внуку, – рванула к телефону, но смерть появилась под задумчивые сонные гудки.

– В Камбодже оставила, – объяснила она. – Там у них мятеж, я после тебя снова туда заверну.

И тут труженица замерла, уставившись пустыми глазницами на часы. Одна минута первого. Смерть выронила косу, та стальным клювом впиалась в паркет.

– Опять опоздала... Расплодилось людей – невозможно работать! Уж сколько наводнений, землетрясений, как ни стараешься вас проредить, а вы плодитесь и плодитесь! Все графики, все отчёты, все очередности летят ко мне, в тартарары! Ни вирусы, ни войны вам нипочём! У меня раковый больной третий год мучается, я к нему добраться не могу! К тебе уже пять лет не попадаю: то драка, то авария, то ещё что-нибудь! Камбоджа эта, будь она неладна...

– Подумаешь, на минутку опоздала, ничего страшного. Запишешь, что шестнадцатого...

– Да нет, это жульничество. Ладно, пора мне в Камбоджу. Но через год первым делом к тебе.

– Не надо первым делом. Я же не успею отметить твой День. Приходи вечером. Я подожду.

И безносая исчезла.

Хорошо, когда тебя понимают и готовы подождать.

А хотела щенрика

Бывает, едете вы всей семьёй куда-нибудь на другой конец обитаемого мира к каким-то дальним (и географически, и генеалогически) родственникам. Из единомышленников – одна только младшая, вредная до невозможности, из развлечений – какой-то хлам позапрошлой эпохи, когда звёзды были молодыми. Мысли о вялотекущем путешествии угнетают, общение с семьёй раздражает, неведомые дальние тебе вообще не упёрлись: ведь сколько всего интересного можно было бы сейчас делать, так нет же!

И вот, где-то на середине фиолетовой в крапинку тоски под названием «взрослые-таки вырвались, но на приличный отдых не скопили», решает себя проявить высшая справедливость! И ваша колымага тарахтит от каждого чиха! И приходится остановиться на оживлённой станции, на перекрёстке всех мыслимых маршрутов и культур, куда стекаются путешественники, а с ними разнообразнейшие истории и диловинки. Вот тут-то и понимаешь, что быть подростком – безумно интересно!

Пока старшие болбочат над драндулетом и торгуются с туповатым ремонтником, я зову мелкую. Агауга недовольно топорщит иглогребень и булькает:

– Ну чего?

– Поплякали гулять!

– А как же вурки?

– А вуркам не скажем!

Она задумчиво перемигивает розовыми клиушками. Я ей вечно завидую: у меня клиушки жёлтые и совсем не такие слизкие.

– А на что гулять, если вуркам не скажем?

Я встряхиваю верёвочку с чусиками. Весь оборот копила.

– Я хочу себе щенрика. Или хвырёнка.

– Вурки тебя ошпилют и в реактор запишнут.

– А вот и нет! Они мне когда чусики дарили на начало оборота, булькнули: «Выбери себе, что хочешь».

Агауга болтает пляками:

– Сомневаюсь, что они имели в виду «тащи в дом мелких разумных».

– Не хочешь – сиди тут, – надуваю я фыхар. Тогда она соглашается и поспешно выковыривается наружу.

Мы медленно чвякаем по межпланетной станции, разевая квыри и восторженно гугукая. Сколько вокруг разных существ! Даже не поймёшь, где у них фыхар, что у них вместо иглогребня и зачем им столько пляк. Цвета всевозможные, голоса невообразимые, отовсюду чужая речь.

– Вот тут-то нам и пригодится уррисский! Не зря пять оборотов учили!

Застенчиво подплякиваю к высокому прохожему, напоминающему лысого щенрика, и болбочу, стараясь не коверкать уррисские сигналы:

– Многоуважаемоея разумноея! Будь столь любезнона подсказать мне, где находится лавка-где-можно-приобрести-домашнюю-живность-не-для-питания.

Незнакомец в два раза сморщивается и выпячивает что-то вроде распухшего квыря. Начинает со страшным акцентом гугнить. Я переспрашиваю, потом примерно уясняю и прощаюсь.

– Благодарю тебя, доброея разумноея! Пусть твой путь будет лёгок, а начинание успешно!

Я уважительно расставляю пляки. Вроде, моя форма прощания не может обидеть представителя другой системы. Прохожий пружинит с занятым скрипом, потом распрямляется во весь рост. Вот и хорошо.

Поспешно отступаю, пока не успела сделать, сблолботнуть или подумать какую-нибудь бестактность. Разговоры звёздных странников на уррисском всегда очень краткие и по делу: кому нужны межпланетные скандалы?

Мы с Агаугой не сразу доплякиваем до нужного места. Приходится пару раз остановиться и уточнить направление, да и вообще, на станции столько интересностей, что клиушки расщепляются и хочется потрогать, понюхать, обчамкать всё-всё-всё, что видишь вокруг. По дороге я то и дело передумываю насчёт подарка себе любимой, но твёрдо беру себя в квыри и упорно плякаю за щенриком. Или, может, лучше всё-таки гвугаря? Только чтобы породистого.

Ну вот, наконец, и зоомагазин. Мелкая гугукает и тянет меня в его влажное нутро.

– Теперь я буду булькать! – заявляет она. – А ты молчи и учись!

Агауга подчвывает к волнующемуся возвышению, на котором перебирает пляками и квырями продавец. Он толстый, многослойный и мягкий на вид.

– Приветствуем тебя, уважаемоея разумноея! Моя ближайшая-родственница-моего-порядка-моего-пола хочет приобрести интересную домашнюю живность для постоянного пользования. Будь столь любезнона, помоги нам сделать выбор.

Мелкая что-то напутала с тонами и не там растянула звуки. Тоже мне, молчи и учись! Даже я едва поняла, что она булькнула.

Продавец пузырится и болбочит в ответ, на куда более чистом уррисском:

– Приветствую и вас, молодые разумные! Я сужу, вы с Араукана, а значит, имеете право говорить со старшими, держать при себе деньги и совершать розничные покупки. Это удовлетворительно.

Он гудит, и на свет выплывает несколько клеток, аквариум, полый кристалл, свёрток и прочие контейнеры.

– Вы сделали любопытный заказ. Но если клиент любит опасную живность, моя задача – помочь емуей определиться.

Я обеспокоенно распрямляю и укладываю иглогребень. Показалось, или он булькнул «опасную»? Значит, Агауга не так применила тоны и растягивания. Мелкая тоже пожимает иглогребнем, но исправить ошибку не решается. Иначе не спасёт никакая подчёркнутая уррисская вежливость.

Успокаивающе касаюсь розовых клиушек мелкой. Ничего страшного. Посмотрим опасных, а потом попросим обычных. Щенрика там или гвугаря. Или хвырёнка. Пятнистого.

– Свою рекомендацию я основываю на собственном суждении о том, что может считаться опасным на Араукане, и предлагаю эту услугу безвозмездно и без намерения обидеть, – заученно тараторит он в регистре уррисского для юридических контрактов.

Потом замолкает и смотрит на меня, будто чего-то ожидая. Ну конечно!

– Я принимаю рекомендацию как таковую, непредвзято и добровольно! – откликаюсь я в том же регистре. Мелкая одобрительно сплюсчивает фыхар.

Ко мне прижурчат полый кристалл. Внутри что-то клубится и вихрится.

– Это у обыкновенный, – гордо бугрясь, поясняет продавец. – Очень редкое существо. Издаёт звуки, приятные для слуха большинства арауканцев. Излучает энергию. Опасным становится в период размножения, когда разряды становятся мощнее и бьют по движущимся объектам. Неприхотлив и миловиден.

Я изучаю у обыкновенного. Интересно, можно его приспособить, чтобы колымагу заряжал? То-то вурки будут довольны!

– Вот это, – продолжает продавец, подталкивая ко мне свёрток, – аламанский шфрыгль. Очень занятное существо, ещё никто не сумел зафиксировать всех его трансформаций. Они происходят каждые семь уррисских дней. Жаль, что именно сегодня он закуклился. Об этом звере можно написать не один научный труд, очень непредсказуемое и, если можно так выразиться, изобретательное создание. Минус: нужен многофункциональный, крепкий вольтер с широким диапазоном условий. И пищу каждый раз приходится подбирать новую. И если вырвется, много мороки. Опасен, смертельно опасен.

Мы с мелкой отодвинулись от шфрыгля. Показалось, что он на нас смотрит.

– Вот в этой симпатичной коробочке синелапый айлоид. Плюётся солью. Насколько я знаю, она разъедает покровы арауканцев?

Агауга чуть не выколупалась из магазина. Удержала её только необходимость соблюсти все правила вежливости.

– Вот этот красавец агрессивен, силён и ограниченно разумен. Породистые лючонги – удовольствие не из дешёвых. В ярости они не разбирают своих и чужих, поэтому ценятся как бойцовские животные. В других отношениях практически бесполезны.

Зверёк порывается, играет мускулами многочисленных пляк, мощно грохается на пол клетки и рвёт подстилку, разбрасывая в стороны мелкие клочки.

– А это кто такой? – зачарованно булькает Агауга. Её квырь указывает на последнюю, самую крепкую клетку.

– Уууу, уважаемое! Ты выбралола опаснейшее животное в обитаемом мире.

Обчамкиваю опаснейшее животное. Сравниваю с теми, которых нам уже представили. Как-то не впечатляет. Вон, бойцовский лючонг хотя бы на прутья бросается, а этот сидит, почти не движется и смотрит.

– Как оно называется?

– Тщце-ло-ек! – внушительно клокочет продавец, выпуская струйки жёлтого пара.

– Оно не выглядит опасным, – болбочу я.

– Араукан находится на отшибе, и до вас они пока не добрались. Один тщце-ло-ек, возможно, хрупок и тщедушен, но когда их много, они налетают жадно и безжалостно, подминая или сметая всё и вся. Я бы не стал его предлагать вам, уважаемые, но вы просили опасных животных. И вот.

Существо бледно-розового цвета, с четырьмя пляками, со странными наростами и совсем не слизкое, вызывает что-то вроде безгливой жалости. Тщце-ло-ек распрямляется и подчвяхивает к толстой прозрачной стене, отделяющей его от мира.

– А что он умеет? – спрашиваю я, будто против воли. Агауга предостерегающе раздувает фыхар и раскрывает иглогребень.

– Он разумный. Знает несколько фраз на уррисском. Если с ним заниматься, выучит ещё. Умеет издавать забавные звуки и плавать.

– Плавать! – изумляется мелкая.

Прикладываю квырь к прозрачной стене клетки. Тщце-ло-ек повторяет движение и с трудом скрежещёт:

– Приветствую тебя, многоуважаемое клиент.

Голос его звучит приятно, необычно и грустно.

– Скажи, сведущее продавец, как за ним ухаживать?

Агауга хлопает фыхаром и чуть слышно хрипит: «Ты что!» – но я не обращаю внимания.
– Для арауканцев труда не составит. У вас на планете приемлемые для тщище-ло-ека условия. Для жизни ему нужны воздух, вода, пища. Для здоровья свет, движение и общение. Кормить можно смесью для щенчиков или хвырят. Если ты, достопочтенное клиент, приобретаешь этот экземпляр, в подарок идёт брошюра по уходу.

– Я беру, – булькаю я. – Сколько, многоуважаемая?

* * *

Алекс покачивался в прозрачной коробке. Арауканский подросток тащил его прочь из ненавистного магазина, весело бормоча на своём языколомном наречии. Второй инопланетный детёныш, кажется, был недоволен покупкой. Алекс старался не думать, что будет, если родителям не понравится такое приобретение или если новая игрушка вскоре наскучит этому странному существу, слепленному из всего, что есть в природе неприятного.

Он силился наслаждаться редкими лучами чужих звёзд, а мысли просто отбросить. Когда ты один против всех и не можешь повлиять на события, мысли – это только удары молотка по тонкой перегородке, отделяющей тебя от безумия.

А ещё он заставлял себя не думать о прошлом. О том, как всё было роскошно, лихо и красиво. Особенно по сравнению с тем, где и кем он оказался сейчас. Не думать. В этом спасение.

Все знали, что Империя Людей умеет воевать и убивать. Мало кто знал, как быстро, изощрённо и надёжно она умеет избавляться от предателей.

Выключатель

Просыпаюсь среди ночи. По всей квартире ярко и неестественно-весело горит свет. На щеке отпечатались квадратики клавиш. Чашка с остывшим кофе укоризненно поглядывает: «Опять не укладываешься в сроки. Опять переводишь в ночь. Ну-ну. И надолго тебя хватит?»

С нажимом тру глаза, лоб, меся своё несчастное лицо, как бледное пористое тесто. С безропотным отвращением делаю глоток некогда бодрившего напитка. Сдавать к десяти утра. А у меня ещё двенадцать переводческих страниц впереди.

Вдруг смотрю – ходит по моей берлоге чёрно-белый человек. Не банально в чёрно-белом костюме, а именно чёрно-белый и как бы даже плоский. Словно из немого фильма его вырезали и в мою реальность вклеили.

Может, ещё не до конца очнулась? Но холодный кофе только что очень правдоподобно и неприятно прокатился по пищеводу. И весь мой бардак выглядит предельно чётким и осязаемым...

Чёрно-белый человечек, плюгавый и округлый, со стёртыми чертами лица неодобрительно качает головой и гасит мои лампочки. По очереди. Не нажимает на выключатель, а именно как свечку тушит: поплёвывает на пальцы и зажимает между большим и указательным крошечную сердцевинку несъедобной груши. До некоторых груш в силу небольшого роста не дотягивается. Кряхтит, ногой отпихивает элементы раскардаша на полу, подставляет стул и тогда уже делает своё чёрное дело.

Прислушиваюсь к себе. Я совершенно уверена, что это не сон. И тем не менее, мне не кажется странным этот незнакомый мужичок из немого кино, без спросу помогающий мне сэкономить на киловаттах. И нисколько не смущает меня выбранный им метод гашения лампочек. И почему-то я абсолютно точно знаю, что ровно такой же человечек сейчас ходит по соседней квартире. И по квартире напротив. И по каждой жилой клетушке в нашем доме, и в доме через дорогу, и во всех домах квартала, города, страны... мира... и гасит, гасит одинокие огоньки...

И мне совсем не страшно. Вот ни капельки. Только грустно как-то.

Мужичок в очередной раз слюнявит пальцы. Вдруг решает пояснить:

– Конец света, понимаете ли.

– Понимаю, – отвечаю я с тяжким вздохом.

– Что поделаться, работа такая, – откликается Выключатель, скармливая очередной кусок моего обиталища прожорливой темноте.

– Да это ясно. Но почему именно сегодня?

Риторический вопрос вырывается у меня помимо воли. И звучит недостойно и жалко.

– Ну как, дата у нас давно в графиках стояла. План нарушить – вся отчётность коту под хвост, другие проекты задержатся.

Помогаю мужичку разгрести хлам на полу. Теперь можно подставить малахольную табуретку и погасить спальню.

– Да про график – это я ж не против. Только очень обидно.

Хочу взять себя в руки и неколебимо заткнуться, как подобает самураю перед верной гибелью, но язык мелет сам собой:

– Завтра собиралась сдать крупный перевод и наградить себя за работу. Суши-хрюши всякие. Полгода не заказывала. Всю неделю мечтала о них, слюной исходила. Прямо перед глазами стояли. Но я твёрдо решила – только после сдачи. И вот поди ж ты!..

И чего я это с ним откровенничаю?

– Давайте пока с кухней разберёмся, – предлагает мужичок, подхватывая табуретку.

Сидушка мигом отлетает, а четвероногий остов сиротливо смотрит ей вслед.

– На кухне чище. И там есть другие табуретки, – бурчу я и оборачиваюсь к экрану.

Глаза по инерции ищут потерянную строчку, пальцы привычно ложатся на клавиатуру. Потом понимаю, что это бессмысленно и закрываю крышку ноутбука. Начинаю машинально прибираться, но осознаю, что и это лишние телодвижения. Тем не менее, что-то вынуждает меня вылить холодный кофе в раковину. Как дань уважения, как салют над могилой героя. Он пытался сделать меня работоспособнее...

Выключатель возвращается с кухни повеселевшим.

– Там быстро управился. На потолке, в микроволновке и в холодильнике. Вообще-то в бытовой технике вырубать свет необязательно, но я люблю, чтобы во всём был порядок.

Киваю. Это профессионально. В работе я тоже такого принципа придерживаюсь, хотя по виду моего логова не скажешь.

– Ну что, осталась только гостиная.

Оглядываюсь. Маленькая уютная комната отрезана от всего мира стеной непроглядной, непробиваемой темноты. И можно только гадать, существовал ли этот мир вообще или мой островок – это всё, что есть и было, но больше не будет?

– Не обращайтесь на меня внимания, я тут посижу.

Устраиваюсь на диване, подтягиваю ноги, уютно зачехлённые в полосатые носки. Под попу удачно подворачивается некогда забытая здесь конфетка. Жестом предлагаю незваному гостю. Тот качает головой, расправляясь с люстрой. Разворачиваю и со вкусом рассасываю подсохшую, потрескавшуюся сладость. Не так уж и плохо уйти в небытие, чувствуя нёбом вкус шоколада. Хотя кто знает, в небытие ли?

Вот и погас хилый настольный светлячок, за которым жадно следили мои глаза в розовую сеточку. Ничего не изменилось, просто стало черным-черно. И тут я слышу лёгкое покашливание Выключателя.

– Вы знаете, я только что закончил очень сложный и масштабный проект. И на самом деле, я тоже очень люблю японскую кухню...

И вот в тишине и абсолютной темноте мы руками едим тёплые роллы.

Будет мир

Сестра стояла у окна и отрешённо пялилась в небо, как покинутая фрёкен Бок.

Взъерошивая мокрые волосы полотенцем, я подошла к ней, тоже воззрилась вверх и увидела сотни белых росчерков по лазури. Ничего в этом не было удивительного, кроме того, что росчерки были будто гребешком проведённые, строго вертикальные.

– Эй, ты чего?

– А?

– Чего случилось, говорю?

– А-а. Так это. Всё.

– Что – всё?

– Всё, они улетели.

Я аж полотенце выронила.

– Как? А разрушения? А инопланетная экспансия? А война с оккупантами?

– Не будет ничего.

– Но как не будет?

– Вот так.

– Но столько лет только войной и живём! Все репортажи о ней, вся промышленность на неё работает! Как мы дальше-то? Я уж и не помню, как раньше было.

– Вот так. Пока ты голову мыла, они так и объявили: как хотите, так и живите. Мы устали с вами бороться.

– Но... но... а нам теперь с кем бороться?

– Друг с другом, наверно. Так испокон веков было: люди всегда найдут, с кем повоевать.

– Друг с другом? Но я не хочу! Друг с другом я дружить хочу!

– Никто не хочет. А придётся, – вздохнула сестра.

Я сжала кулаки и прикусила губу, чтобы не заплакать. Они улетели, теперь будет война брат на брата, да ещё я всё пропустила, пока в душе была! Ну что за наказание!

И тут свершилось чудо! Белые полосы расчесали небо сверху вниз. Их рисовали яркие-яркие, как прожектор, зелёные шары.

– Они вернулись, вернулись!

Я завизжала, запрыгала, стиснула сестру и всё-таки заревела. Сестра только болталась в моих объятиях. На любое потрясение у неё реакция одна – ступор.

А мир между тем наполнился звуком.

«Ну ладно, мы передумали. А то ж вы поубиваете друг друга. Но так больше продолжаться не может. Поэтому давайте договариваться».

– Договариваться! – прошептала я. А сестра только счастливо вздохнула.

И все на Земле поняли, что войны не будет. Будет мир.

Явление эпохальное

Знаете, почему другие планеты держатся от Земли подальше? Очень просто: боятся подхватить жизнь. Марс и Венера, хлебнувшие горя из-за такого соседства, утешают несчастную тем, что в планетологическом смысле жизнь – явление всего лишь эпохальное. Ничего страшного, со многими случается. Вот, например, у одной планетки ближе к центру Галактики было подозрение на жизнь. И ничего: интенсивный курс радиации от ближайшей звезды – и вот она уже чистенькая, свеженькая, никаких паразитов. А вот ещё тоже был случай: нашли жизнь у планетки рядом с газовым гигантом. Сдала анализы – и точно: вода есть, углерод есть, азот, кислород, что там ещё... Но Земля их перебивает: вы знаете, я себя чувствую не так уж плохо. Да, порой и зудит, и печёт, и будто пеленой заволакивает, но в целом – вполне. И, если честно, я побаиваюсь радиации. Большой взрыв с ней, с личной гигиеной. Я лучше потерплю. В конце концов, вы правы: жизнь – явление всего лишь эпохальное. Само пройдёт.

Не боги горшки обжигают

Заходит как-то один бог к своему приятелю.

– Что подельываешь, братец?

– Да вот, новое хобби, – с ноткой гордости отвечает тот.

Вдоль стены роскошного облачного жилища выстроились немного кривоватые, но вполне узнаваемые вазы, кувшины, чашки и... горшки.

Друг долго молчит.

– Не нравится? – чуть обиженно спрашивает хозяин. – Я понимаю, это только ученические вещи, но очень скоро я набью руку, и тогда дело пойдет на лад!

– Да нет, вполне симпатично, только... как-то не *comme il faut*.

– А что такое?

– Ты разве не слышал: «Не боги горшки обжигают»?

– Пфф! – отмахивается творец, – и кто это сказал? Люди с богами забытой земли? И мы, небожители, должны подчиняться их близоруким мнениям?

– Я всё понимаю, но как-то уже устоялось...

Хозяин поджимает губы:

– И что прикажешь делать? На пирах всю вечность торчать? Надоело. Да и печень за ночь новая не вырастает, как у некоторых. В цивилизацию играть? Да я её уже три раза целиком прошёл! Чуть выстругаешь что из дерева или слепишь из глины – оно оживает и говорит: «Папа! Спасибо, что меня создал! Как мне теперь жить?» А я почём знаю? Возьмешь мяч погонять – он тут же лесами обрастает, водой покрывается, опять начинается копошение. Выбросишь этот мяч – глядь, а к тебе его уже тащат слоны, киты и черепахи. – Бог возмущённо всплёскивает руками. – Это как называется, а? Это откуда всё берётся? Тоже большая человеческая фантазия? Плюнуть уже нельзя, чтобы жизнь из твоей слюны не зародилась! Пролить, просыпать ничего нельзя! Займёшься садоводством – появляются люди. Увлечёшься кулинарией – появляются люди! Что за наказание! Кого из высших богов я прогневал?

– Не распаляйся так, братец, – тихо говорит гость. – Об этом не принято говорить, но у всех остальных та же фигня. Я тоже то и дело их давлю, жгу, топлю! Не помогает, приходится на землю выселять. Думаешь, почему мы все пьянствуем без просыху и распутствуем без удержу? Потому что от любых других занятий люди зарождаются сами собой!

– Не от любых! Вот же, горшочки стоят! Мирные, красивые, безжизненные горшочки! Никому не мешают, ни от кого не требуют ответов, защиты, помощи! Так нет же, нельзя, не по чину!.. Тьфу! Ой, блин, опять полезли! Кыш, кыш!

Хозяин бессильно опускается на пол, закрывает лицо руками. Гость как бы невзначай затирает носком сандалии божественный плевок. Крошечные люди тоненько пищат.

– Слушай, я сейчас плохой собеседник. Зайди как-нибудь в другой раз, выпьем нектара...

– Как скажешь, дружище. Я не в обиде, сам через это прошёл. Держись, не раскисай. И, это... Горшочки – дело, конечно, хорошее, но не поймут. Бросил бы ты их, а?..

Гость откланялся. Расстроенный бог остался один.

– Что теперь прикажете делать? Макраме плести? Бабская забава...

Погладил чуть неровные бочка своих гончарных произведений. Горько вздохнул. Убрал утварь в чулан, туда же хотел заткнуть и гончарный круг. Воровато оглянулся. Запер дверь, задёрнул шторы. Набрал в ладони побольше жирной глины и принялся лепить несуразных человечков.

– Папа, спасибо, что нас создал! Как нам теперь жить? Что нам делать?

Бог-хитрец тишком спустил свои творения с небес на землю.

– Ищите других богов, они мудрее меня. Только не говорите, что это я вас создал, ибо они ревнивы и захотят отомстить. Если чего-то хотите, прославляйте их погромче, просите, они поломаются-поломаются, но потом всё дадут. Видите, это земля. Всё вокруг – ваше. Если встретите других людей, которые будут говорить, что это не так, не верьте, бейте их без жалости. Держитесь только своих, любите только своих, все прочие – недолуды и враги. Ловчите, блудите, интригуйте, предавайте. Обманывайте, мучьте, воруйте, воюйте. В общем, делайте

всё, чтобы мудрым богам интересно было за вами наблюдать. И храмов им побольше стройте. Таков мой вам завет.

Осчастливленные человечки сплочённой ватагой двинулись выполнять своё предназначение. А их создатель довольно улыбнулся и занялся любимыми горшками. В ближайший десяток тысяч лет его уж точно не потревожат.

Два императора

Были, значит, две космические империи. Ну, и соответственно, два космических императора. Как-то так повелось, слово за слово, голографировали друг другу, всякие сообщения посылали. Потом стали, значит, знаки внимания оказывать. Один как-то прошёлся про империю другого на Галактической ассамблее, второй остроумно скаламбурил на балу герцогини Чернодырии.

Потом пошли разного рода посылки. Ну, мегатонн этак... А, кто там считал! Помогали, значит, друг другу тестировать систему планетной обороны. Потом стали меняться, как дети меняются всякими карточками и безделушками: ты мне моего шпиона, я тебе твоего. Ты мне мой крейсер, я тебе твой разведбот. Когда надоело, принялись играть в «Монополию»: этот торговые пути перекроет, другой эмбарго введёт, этот продавит свой акт в Союзе Верхнего Рукава, тот такую махинацию провернёт, что первый полгода отмывается и оправдывается. В общем, долго так развлекались к обоюдному удовольствию.

А потом первого космического императора отравил любовник его жёнушки, которая обиделась на отсутствие внимания со стороны супруга и захотела тоже поучаствовать в его игре. Второй император очень расстроился, когда лишился такого замечательного соперника, и от огорчения захватил всю империю своего почившего коллеги, расстрелял вдову и повесил её любовника, который успел напялить корону, но оказался совершенной бездарностью, когда дело касалось стратегий вроде «Монополии», «Абсолютной монархии», «Интриганов» и «Блицкрига». За что и поплатился.

Так, значит, и стал у нас один космический император. Очень грустный и нелюдимый. Захватит планетку-другую и опять затворится. Строит картины из костяшек домино и замки из карт. Тяжело вздыхает, и карты разлетаются, а неоконченные цепочки доминошек приходится расставлять заново. Время от времени поигрывает в шахматы с военным советником, но всё не то, всё не то.

Я к чему веду? Никто не поймёт твоих тайных симпатий и тонких намёков. Поэтому если тебе с кем-то особенно хорошо, так и скажи. А то будешь потом вздыхать, как его величество, да продлятся дни его сиятельного правления до плюс бесконечности...

Куточка, которая всего боялась

Жил-был на птичьём дворе крошечный цыплёнок. Когда остальные цыплята довольно клевали корм и гребли лапками пыльную землю, этот птенец (будущая курочка) почти ничего не ел. Всё бегал под окно дома, откуда доносились нездешние голоса и другие небывалые звуки. Долго-долго слушал, затаив дыхание и мелко дрожа. А после, когда население птичьего двора устраивалось спать, цыплёнок мешал куриному обществу сомкнуть глаза.

– Как вы можете спокойно клевать, когда глобальное потепление растапливает полярные ледники? Как вы можете греться на солнышке, когда на Ближнем Востоке война и атомное оружие? Как вы можете спать, когда эпидемия страусинового гриппа выкосила половину поголовья птицефермы в Подмосковье?!

Маленькая курочка считала себя слишком умной для своего окружения. А окружение считало её слишком шумной и мнительной.

Прошло четыре месяца. Курочка всё бегала под окно слушать пророческий глас с вышины. Питалась она по-прежнему скудно, постоянно нервничала, всё боялась грядущих бедствий. Прямо сердце замирало, когда слушала очередной выпуск новостей. Прямо стыла

кровь и тряслись поджилки. Прямо кусок в горло не лез, накатывали отчаяние и жуть от обступившего со всех сторон Апокалипсиса.

Даже понимая, что не стоит ждать сочувствия от тупых клуш, курочка всё равно не могла молчать. Всё равно делилась предсказаниями неизбежных ужасов, сводками со всевозможных фронтов, неутешительными прогнозами синоптиков и зловещими гороскопами на ближайшие дни. Ела всё меньше, дрожала всё больше.

Её ровесницы уже вовсю неслись. Хвастали друг перед другом ладненькими цыплятами.

– Как вы можете так беззаботно растить птенцов, когда миру угрожает тысяча неминуемых катастроф!

Товарки умиротворённо нагуливали жирок, умилённо внимали пицанию молодняка и только иногда с жалостью посматривали на неё:

– Ты бы лучше о себе подумала: вон какая худющая. Говорят, такие долго не живут. Может, ты больна?

– Я-то здорова! Это вы все больны! – распалялась курочка. – Вы больны куриной слепотой и глухотой! Вы даже не представляете...

– Так может, и хорошо, что не представляем? – перебила однажды клуша из самых пухлых и холёных. – Если все беды представлять, то и тронуться можно. Ты ведь уже давно нам грозишь всяческими несчастьями, а до сих пор ничего не случилось. Какой смысл тогда тревожиться?

Непонятая предсказательница захлебнулась гневом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.